

Александр ЩЕРБАКОВ

В ПЕРВОМ ЭШЕЛОНЕ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1980

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Александр ЩЕРБАКОВ

В ПЕРВОМ ЭШЕЛОНЕ

(О П. И. Батове)

Щербаков А. Д.

Щ61 В первом эшелоне: (О П. И. Батове).— М.: Политиздат, 1980.— 112 с., ил.— (Герои Советской Родины).

Шенкурск и Мадрид, Сталинград и Курская дуга, Днепр и Одер — вот лишь некоторые вехи боевого пути известного советского военачальника П. И. Батова.

Имя Батова неразрывно связано с 65-й армией, покрывшей себя славой во многих сражениях Великой Отечественной войны. Более 300 Героев Советского Союза воспитала она. Ее командарм закончил войну дважды Героем Советского Союза.

О П. И. Батове, его соратниках, их жарких боевых буднях рассказывает в этой книге журналист Александр Щербаков.

Она рассчитана на массового читателя.

Ш 10604—158
079(02)—80 209—80 0505030202

63.3(2)722.78
9(С)27

Выстрелы. Взрывы. Убийственный гул на земле и в небе... И вдруг тишина. Оглушительная тишина того майского утра в сорок пятом году. Долгожданная и все равно неожиданная.

Генерал не привык к тишине. Вернее, он отвык от нее за эту долгую, казалось, бесконечную войну. Теперь тишина наступила. И сразу, с такой же силой, с какой грохот боев глушил, разбудила его память. А в памяти одна к одной, как шеренги солдат в строю, пять войн.

Эта, только что закончившаяся,—самая трудная и самая блистательная для него и для его армии — славной 65-й, которую он привел сюда, в Германию, из немыслимо выстуженных морозами и нестерпимо раскаленных огнем степей под Сталинградом.

Память сохранила все. И навсегда.

Вечный рубеж Сталинграда

«Виллис» мчался по степи, встречая или обгоняя машины, повозки, тягачи... Везли боеприпасы, мешки и ящики с провиантом, горючее. В сторону фронта

шли и ехали те, кого ждали бои, в обратную сторону — те, кто временно или насовсем выбыл в тыл. Осенний воздух, особенно чуткий к звукам, часто вздрагивал то от методичных артиллерийских залпов, то от беспорядочного бомбового грома. Да, степь свыклась с войной, отметил про себя генерал. Все обживаются на войне. И это естественно. Разве его настроение сравнить с настроением в первые месяцы войны?..

Настроение генерала определялось еще одним, очень важным обстоятельством. Он ехал под Сталинград принимать армию. Ехал туда, где, совершенно ясно, предстояли события настолько важные, что им — не исключено! — суждено определить весь дальнейший ход борьбы с фашизмом. Армия, которой ему поручили командовать, в них конечно же примет участие. Насколько оно окажется полезным и заметным, будет во многом зависеть от него, командарма, от его полководческих и человеческих качеств.

В эту войну он уже командовал армиями — в сорок первом в Крыму и в сорок втором на Брянском фронте. Но тогда приходилось вести главным образом оборонительные бои. А теперь совсем иная складывалась ситуация.

Уже после нашей победы под Москвой война стала поворачивать в другое русло. Красная Армия постепенно лишает фашистов тех преимуществ, которые они с кровью вырвали летом сорок первого года.

Под Сталинградом гитлеровцы явно застряли, и у нас есть шанс запереть тут группировку Паулюса. Как реализуют этот шанс наши войска? Генерал волею судьбы оказался в числе тех, кто должен ответить на этот вопрос. Вокруг него и роились всю дорогу мысли. Они возвращали генерала к горьким

для нас событиям мая сорок второго года. Попытка развить успех, обозначившийся в районе Харькова, не удалась. Гитлеровцы окружили наступавшие на Харьков войска и летом сами перешли в наступление, нацелив опаснейшие удары сразу и на Воронеж, и на Сталинград, и на Кавказ. В междуречье Дона и Волги все лето бушевала война. Никогда еще так не гремело, не полыхало в Донской степи. Никогда еще так не пахали ее тяжелые, злые машины, и никогда она не впитывала столько человеческой крови, как в то жаркое, второе подряд тяжелое лето. Фашисты хотели захватить на Волге Сталинград — важный стратегический пункт и крупнейший промышленный район.

Жестокие бои развернулись и на Северном Кавказе. Враг рвался к богатейшим источникам нефти и другого стратегического сырья. Фашисты рассчитывали лишить нас возможности снабжать хлебом и нефтью Москву, а потом взять обессиленную столицу Советской России с тыла.

Советская Армия не пустила вражеские войска за Волгу. План Гитлера рушился. Судя по всему, развязку под Сталинградом продиктуем мы. С верой в такой исход битвы на Волге и ехал сюда новый командарм Павел Иванович Батов.

Перед тем он был заместителем командующего Брянским фронтом. А командовал фронтом Константин Константинович Рокоссовский. Удивительный человек! Встретившись с ним однажды, люди потом неизменно тянулись к нему, потому что Рокоссовский незаметно становился для них всем: умным воспитателем, учителем, примером отношения к долгу и, наконец, вообще образцом человеческой красоты, без которой жизнь тускнеет, становится слишком пресной.

Батов считал за счастье служить у Рокоссовского. И всерьез расстроился, когда Константин Константинович неожиданно получил другое назначение. Позвонил Сталин, предложил принять Донской фронт. Москва разрешила Рокоссовскому взять с собой нескольких соратников — командиров, работников штаба. Он назвал Малинина, Казакова, Прошлякова, Орла. Батов напомнил о себе:

— Поеду хоть на дивизию!

— В Москве решим,— пообещал Рокоссовский.

Через несколько дней шифровка известила: Батов назначен командующим 4-й танковой армией на Донской фронт. Шел октябрь сорок второго года.

...Скоро Озерки, где стоит штаб 4-й танковой. Как-то примут там нового командарма? К прежнему — Василию Дмитриевичу Крюченкину (его отзывают в Москву) — привыкли. Уважают, любят. За лихое бесстрашие красного конника, за то, что разделил с этой армией (до недавнего времени она именовалась 28-й общевойсковой) тяжесть летних боев на Дону. Занять его место в армии не так-то просто. Примут, разумеется, если убедятся, что достоин. А время такое, что авторитет надо завоевывать решительно и быстро, причем не прошлыми заслугами, не броскими эпизодами из биографии. Почувствуют в нем настоящего командарма, убедятся в добрых человеческих качествах — признают. Нет — значит, нет.

По пути в Озерки заехали в Мало-Ивановку к Рокоссовскому. Константин Константинович обрадовался Батову, посоветовал ознакомиться в штабе фронта с обстановкой и извинился:

— Говорить сейчас некогда. Чуйкову очень трудно. Еще никогда там не было так трудно. Помогаем чем можем. Уверен: выдержит. Но главное — впер-

ди... Рекомендую сегодня же выехать в армию. Разберешься и доложишь...

В штабе фронта чувствовалось предельное напряжение. Еще бы! Накал битвы по всем теоретическим понятиям уже перешагнул предел человеческих сил и возможностей. Выяснив у штабных офицеров максимум того, что касалось 4-й танковой, Батов попрощался. Все торопило в Озерки.

В Озерках знакомая картина: куда-то тянут кабель телефонисты, офицеры связи соскакивают с потных коней, торопятся выполнить поручение, часовой на крыльце внимательно рассматривает документы каких-то командиров... «Виллис» затормозил у штаба. В тот же момент появились встречающие. Из машины, легкий, подвижный, спрыгнул на землю генерал — будто из мирного времени: до яростного блеска начищены сапоги, лучезарные ордена на отглаженной гимнастерке, до глянца выбритое лицо — и представился: «Генерал-лейтенант Батов Павел Иванович». Кто-то из офицеров заметил: на Суворова похож!

Тут же состоялось первое знакомство. В штабе собрались член Военного совета армии Филипп Павлович Лучко, начальник штаба Иван Семенович Глебов, его заместитель Николай Михайлович Горбин, начальник политотдела армии Николай Антонович Радецкий, начальники служб.

— Послушаем обстановку. Кто доложит? — Батов присматривался к штабным офицерам, старался сразу же определить слаженность штаба, его военную грамотность.

Докладывали начальник разведывательного отдела И. К. Никитин, начальник оперативного отдела Ф. Э. Липис, начальник войск связи А. И. Борисов, черту подвел Глебов.

— Да,— резюмировал Батов,— стало быть, в армии всего четыре танка... Тогда и называть ее правильнее четырехтанковой, а не 4-й танковой. С такой броневой мощностью не разгонишься... Подполковник,— обратился он к Липису,— что предлагаете предпринять в нынешней обстановке, исходя из более чем скромных возможностей армии?

Тот изложил суть нескольких частных, но активных боевых операций, целью которых ставилось расширение плацдармов на Дону для улучшения позиций стрелковых дивизий.

— Что ж, вижу, штаб работает. Это важно и для нынешнего дня, и для будущего. Скоро, по всей вероятности, получим новую задачу.

И вдруг сменил тему:

— Слыхал, армия формировалась в Ярославской области. Приятно слышать—я ведь сам ярославский, рыбинский. Так что на мне, можно сказать, двойная ответственность за ее успех. А коль так, на двойной спрос право имею... Пока все. После обеда едем в войска.

При Крюченкине сложилась традиция—обедали вместе командарм, член Военного совета, начальник штаба, начальник политотдела. Если позволяла обстановка, любили обставлять все по-домашнему, чтоб скатерть на столе, супница с крышкой, столовые приборы. Батову понравились и традиция, и обед. В разговоре вдруг задал неожиданный вопрос:

— Суточные щи настоящие повар сумеет сварить?

Присутствующие переглянулись:

— Наверное...

— Закажите, пожалуйста...

Эпизод со щами запомнился. Запомнился, видно, потому, что подобные эпизоды как-то скрашивают

суровую фронтовую жизнь и хранятся — конечно, не в документах — в рассказах, ценность которых порою не меньше ценности иного документа.

Щи варили несколько раз. Батов пробовал и отзывался одинаково:

— Вкусные, ничего не скажу... Но... не то...

И рассказал наконец быль.

— В гражданскую войну пришлось мне однажды проехать в санях километров тридцать. Мороз злой-презлой, а я в шинельке и в сапожках. Окоченел — вот-вот дышать перестану. А тут деревня. Зашли мы в хату, вот там и покормили меня суточными щами. В жизни больше таких не едал... А отведал бы с удовольствием!

Все оживились.

— Теперь все понятно, — Глебов вытянул руку с ложкой вперед, как привык вытягивать с карандашом у карты. — Вы же наверняка тогда голодали, да от стужи желудок к ребрам примерз — вот те щи и показались вам царским блюдом...

Батов кивнул головой:

— Верно. И все же, знаете, хочется иногда еще раз испытать какое-то сильное ощущение, что-то из молодости вернуть... Может, смешно покажется — я те щи даже в Испании вспоминал, когда тоска по России одолевала... А повару, пожалуйста, передайте, что у меня к нему ни малейших претензий...

...По дороге на передовую командарм расспрашивал майора Горбина о боевом пути армии, интересовался причинами неудач летом сорок второго года, выводами, которые сделал штаб из летней кампании, велики ли с тех пор перемены. И тут же вдруг попросил его охарактеризовать пообстоятельней командиров дивизий.

— Я же, товарищ генерал-лейтенант, не офицер по кадрам, а заместитель начальника штаба,— посчитал нужным уточнить майор.

Батов тотчас возразил:

— Тем более, заместителю начальника штаба армии командиров дивизий надо знать как самого себя. Планировать операции, плохо зная исполнителей,— дело не очень надежное. Согласитесь, пограничник! (Горбин служил перед войной в пограничных войсках и, как большинство пограничников, оказавшись волею судьбы в общевойсковой армии, не снимал зеленую фуражку, а командарм так и звал его до конца войны пограничником.)

Чем пристальнее Горбин наблюдал за командармом, тем больше убеждался: Батов сразу ищет суть, хочет как можно быстрее уяснить для себя главное — с кем ему предстоит вести армию в бой, насколько совпадают его и их взгляды по основным, принципиальным вопросам, как они смотрят на обязанности и ответственность тех, кто управляет на войне людьми и отвечает за главное: за победный ее исход.

Горбина подкупала в командарме естественная, ненаигранная простота, с которой он подходил к людям. Создавалось впечатление, что он давно и близко знаком с ними и безошибочно знает, как вовлечь их в разговор, как настроить на нужную тему. Вопросы и командирам, и солдатам задавал только по существу и так, чтобы расположить к беседе: «Как оборудованы артиллерийские позиции?», «Как кормите солдат?», «Какие проведены инженерные работы и высоко ли их качество?», «Сколько пулеметов косоприцельного огня? А фланкирующего?..»

На переднем крае — все-таки лучше посмотреть самому — долго не отходил от пулеметчика.

— Письма, пищу, махорку своевременно получаете?

— Так точно!

— А домой часто пишете?

— С бумагой плоховато, товарищ генерал...

— Насчет бумаги позабочусь!.. А как с боеприпасами?

— Запас, как полагается, держим!

— Пулемет не подведет?

— Никак нет!

Потом ко всем стоящим поблизости:

— Пишите родным чаще, иначе они будут на вас обижаться... А бумаги мы вам дадим... Найдем бумагу!

Ходили-лазали до вечера. Вечером в блиндаже штаба 4-й гвардейской дивизии генерала Г. П. Лиленкова командарм усталю опустился на лавку, прислушался к чему-то.

— В сапогах-то хруст сплошной от песка... Надо переобуться, пока до волдырей дело не дошло.

...Он остался доволен дивизиями. Отметил грамотное построение в обороне, умение командиров выкроить время и поучить бойцов тому новому, что подсказано войной, старание изобретательно и настойчиво вести разведку, чтобы не упустить изменений у противника, отметил заботу о солдатах. Командиры дивизий — Федор Александрович Прохоров, Виктор Сергеевич Глебов, Серафим Петрович Меркулов, Георгий Павлович Лиленков, судя по первому, но отнюдь не беглому впечатлению, — опытные, надежны. Сильный комдив — значит, крепкая дивизия; а из крепких дивизий складывается боеспособная армия.

А тут еще нежданная радость — встреча с полковником Меркуловым. Кажется, совсем недавно это

было: Павел Иванович Батов возглавлял полковую школу, где учился крестьянский паренек Серафим Меркулов. Нравились в нем начальнику школы упорство, любознательность и та самоотверженность, с которой он готовил себя к суровой военной жизни. В сороковом году они встретились на Карельском перешейке. Батов — командир корпуса, Меркулов — командир полка. Генерал убедился тогда, что не даром верил в целеустремленного, прилежного курсанта. И теперь у Меркулова дивизия — одна из лучших в армии. Не удержался командарм — обнял его.

— Рад, очень рад, что снова вместе будем воевать! Держишься, вижу, молодцом. От седины на висках не спасся, ну да боевому комдиву седина не страшна... Показывай свое хозяйство...

...Вернулись в Озерки и в штабе долго еще обменивались впечатлениями, мыслями. Командарм настоятельно советовал готовить людей к наступательным боям — он убежден, что скоро, очень скоро придет наш черед заставить врага обороняться.

Осень не остудила накала баталий. Напротив! Война ворвалась в Сталинград, но дальше не двинулась, остановленная непостижимой стойкостью и мужеством неистребимых дивизий Чуйкова. Армии, стянутые нашей Ставкой к Сталинграду, в том числе 65-я (так переименовали вскоре после приезда Батова 4-ю танковую), имели две задачи: одну — отвлекать на себя силы Паулюса, не оставлявшего надежды выполнить задачу, поставленную германским главнокомандованием, овладеть Сталинградом и перерезать волжскую артерию; вторую — готовить удар, который решительно изменит всю обстановку на юге в пользу Советской Армии.

Пришло время — и командующих армиями, их

штабы посвятили в план окружения и ликвидации немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Наступила ответственнойшая пора готовить армию к прорыву вражеской обороны. Готовить... Найти тактические ходы операции, увязать их с возможностями войск; укомплектовать подразделения, получить боеприпасы, горючее, продукты; проанализировать разведданные; рассчитать сроки; спланировать взаимодействие пехоты с артиллеристами, танкистами, авиаторами; найти общий язык с соседями; обеспечить мобильность тылов; наладить инженерное обеспечение и связь; добиться полного взаимопонимания со штабом фронта и подчиненными штабами... И все — безотлагательное, первостепенное...

Вот тут командарм в полной мере почувствовал завидную слаженность своего штаба, его оперативность и высокую культуру работы, прочность контактов со штабами дивизий, полков, убедился в его умении заглядывать далеко вперед, «читать» замыслы противника, особенно четко осознал, насколько высок и непоколебим авторитет начальника штаба Ивана Семеновича Глебова.

Иван Семенович Глебов имел отменную теоретическую подготовку — две академии за плечами; приобретенный им с начала войны практический опыт стоил, пожалуй, еще двух, а то и трех академий. Суровое испытание выдержали его профессиональные, гражданские и человеческие качества осенью сорок первого года под Киевом, весной и летом сорок второго под Харьковом и на Дону. Работа в крупных штабах — фронтовом и армейском — развили в нем широту оперативного и тактического кругозора. Высокая культура организации труда и умение сплотить вокруг себя штабной коллектив сделали Глебо-

ва незаменимым в том сочетании людей, которые под руководством Батова должны были вывести армию не просто на исходный рубеж очередного наступления — на исходный рубеж нового этапа войны.

За два дня до наступления командарм собрал на своем наблюдательном пункте на Дружилинских высотах командиров и начальников штабов дивизий, бригад и отдельных частей ударной группы армии. Репетиция на рельефном плане по замыслу командующего должна была приблизить их к реальной обстановке боевых действий и дать возможность воспроизвести возможные варианты этих действий, заранее предусмотреть и учесть наиболее вероятные ответные шаги противника и тем самым наилучшим образом понять задачу армии, задачи входящих в нее соединений и частей.

Задачу армии командующий изложил так:

— 65-я вместе с 21-й армией Юго-Западного фронта наносит главный удар по сталинградской группировке гитлеровцев с северо-запада. Навстречу с юго-востока наступают войска Сталинградского фронта. Общая цель: взять в кольцо, а затем уничтожить силы Паулюса. Главный удар мы наносим в полосе около шести километров. Прошу учесть, что перед фронтом армии стоят боеспособные и опытные немецкие части — 44-я, 376-я и остатки 384-й пехотной дивизии. Мое решение: нанести главный удар силами пяти дивизий, из них в первом эшелоне пойдут 27-я гвардейская, 24-я и 304-я. Артиллерию использовать для массированного удара в период артподготовки и поддержки атаки пехоты и танков. Еще две дивизии пойдут во втором эшелоне. В моем резерве — танковая бригада и танковый полк. Полоса наступления дивизий первого эшелона около двух километров. Каждая дивизия усиливается танко-

вым полком, а 27-я и 304-я и танковыми бригадами.

Намеченный план военных действий разыграли на рельефном плане. Потом командарм распорядился: на его наблюдательном пункте разместится пункт управления командующего артиллерией; здесь же будут находиться представитель поддерживающей авиации, а также представители дивизий второго эшелона и танковых частей резерва.

— Все во имя пехоты! — командарм сделал ударение на этих словах. — Все для нее, ибо окончательный успех операции обеспечит она. Прошу запомнить!

Оставшиеся до начала наступления дни были заполнены делами, которых, казалось, никак не отбавлялось ни у командарма, ни у штаба, ни у командиров, ни у солдат.

В ночь перед наступлением командарм мысленно уже поднимал дивизии, стараясь критически повторить в памяти то, что отработали на макете, и проследить развитие событий после того, как начнется. Он был доволен тем, что провел репетицию на макете, и тем, что тут же установили стереотрубы и, разбирая задачи, переходили от макета к изучению местности, на которой предстояло наступать. Таким образом, предельно вживались в обстановку.

Рисковали. О чем не преминул сказать и штаб фронта: собрать за два дня до наступления весь состав армии чуть ли не на самой передовой... Пусть гитлеровцы не узнают и не накроют огнем специально. Но мало ли какая случайность... и армия окажется обезглавленной всего за два дня до такого наступления! Батов пошел на риск. Пошел, потому что понимал, знал по опыту: воевать без риска невозможно и войну без риска не выиграешь. Хорошо, что

собрались! Командарм уверен: теперь каждый командир знает свой маневр, стало быть, надежнее осуществится суворовское требование — свой маневр будет знать и каждый солдат...

Вспомнилось нынешнее, вернее, уже вчерашнее выступление на ротном партийном собрании у гвардейцев в дивизии В. С. Глебова. С каким вниманием, с каким интересом слушали бойцы! Видимо, потому, что приводил живые и сильные примеры! Понадобилось сказать о месте коммуниста в бою, вспомнил соратников по боям в Испании, на Карельском перешейке зимой тридцать девятого-сорокового, в Крыму летом и осенью сорок первого...

Люди готовы. А это самое главное. Командарм позвонил в дивизии Меркулову, Глебову, Прохорову... Они еще раз подтвердили: готовы! Федор Александрович Прохоров — командир прославленной 24-й Самаро-Ульяновской дивизии только что вернулся из медсанбата. Там он обратился к раненым офицерам:

— Утром идем в бой. Дивизия получила пополнение. У меня есть, конечно, офицеры, которые поведут бойцов. Но вы — опытнее, у вас — закалка... Прошу, кто может держать оружие, вернуться в строй...

Двадцать человек тут же покинули медсанбат. ...В 7. 30 началось. От залпа тяжелых гвардейских минометов вздрогнула все уже повидавшая на войне степь. Плотный белесый полог тумана вмиг прожгло тысячеязыкое пламя, и моментально накалилось холодное небо, а на земле уже бушевала огненная стихия. Через час с лишним артподготовка закончилась. Поднялась пехота. На плацдарм, словно мощной волной прибоя, бросило огромную массу людей. Появились танки и повелительно позвали их

за собой. Люди, стреляя на ходу, старались не отставать от танков и быстрее добежать до рубежа, который в те короткие минуты, наверное, казался им самым важным и для жизни и для победы.

Туман, оставленный в степи ночью, мешал видеть далеко, но с наблюдательного пункта (НП) командующего все же можно было разглядеть, что первые две траншеи противника бойцы одолели и не задерживаясь пошли дальше, к новому рубежу — к высотам, которых перед фронтом батовских дивизий лежало, как назло, слишком много. Противник, с присущими ему способностями и тщательностью, превратил их в опорные пункты — крепкие орешки для артиллерии, а тем более пехоты. Теперь ход сражения во многом зависел от умения командующего армией правильно организовать бой. Начиная с Испании, Батов всегда уделял особое внимание этой стороне дела, потому что понимал, что организация боя обеспечивает, по крайней мере, половину успеха. Командующий, как дирижер оркестра. Можно, имея в своем распоряжении прекрасный оркестр, плохо исполнить программу — или потому, что не знаешь партитуру, или потому, что не владеешь оркестром. В том и другом случае — провал.

Так же в сражении. Надо видеть — реально или мысленно — картину боя, ощущать динамику событий, предусматривать их возможный поворот, предугадывать, что предпримет в той или иной ситуации противник, знать, чем ответить на его маневр; мыслить нестандартно, быстро, гибко; держать в руках все нити управления людьми, огневыми, техническими средствами...

Умение это приходило постепенно. Складывалось из навыков и опыта, умножалось на интуицию и талант, спрессовываясь в то, что со временем назовут

«батовским стилем». А в нем — блестящее знание военного дела, дерзость, тонкая сметка, до мелочей обдуманный риск...

В Сталинградской битве искусство командарма подвергалось особой проверке, что было связано с масштабностью операции, своеобразием условий, в которых действовали войска, с лютой яростью каждой схватки. Все это дало себя знать с первых же шагов наступления.

Продвигались трудно. Вражескую оборону провали, но на высотах фашисты держались крепко. Сразу подтвердилось предположение Батова, что с ходу их оттуда не сбить. Комдив В. С. Глебов, чьи полки наступали на сильно укрепленную высоту, доложил одним из первых:

— Штурмуем позиции врага. Соппротивление отчаянное. В гору трудно поднимать технику. Но высоту скоро возьмем.

Командарм понимал, что 27-й трудно, однако торопил комдива, потому что понимал и другое: важно с первых бросков набрать скорость наступления, ошеломить противника напором, нарастающим потоком движения атакующих масс.

— Ускоряйте темп! — спокойно, но властно требовал Батов. — Не допускайте отставания артиллерии! Подтягивайте технику!

А чуть позже:

— Не ослабляйте давления на врага! Плотнее прижимайтесь к передовым цепям!

Три часа спустя гвардейцы 27-й полностью овладели придонской возвышенностью в своей полосе наступления. Тут бы остановиться, перевести дух... Но командарм снова торопит:

— Глебов, теперь главное — стремительность! Не оглядывайтесь по сторонам! Не вы должны равняться-

ся на соседей, а соседи на вас... («Соседу, конечно, внушает то же самое», — улыбнулся своей догадке комдив. Ему по душе было стремление Батова разжечь соперничество между соседними частями.)

Враг контратаковал, умело поддерживая свою пехоту огнем с укрепленных высот. Комдив доложил о контратаке Батову, и командарм тут же приказал сосредоточить на высотах огонь артиллерийских батарей, а пехоту противника прижать к земле минометными залпами. 27-я пошла дальше. Вскоре оборонительную полосу врага взломали на всю глубину. Глебов доложил об этом командарму и услышал в телефонной трубке его радостный голос:

— Передайте всему личному составу дивизии сердечную благодарность Военного совета армии за успешный прорыв обороны!

Воодушевленные гвардейцы рванулись дальше. А командарм вернулся на прежнюю «волну»:

— Ищите уязвимые фланги! Смелее обходите узлы сопротивления! Больше напористости!

Другие дивизии продвигались с трудом по той же причине, что и дивизия Глебова.

— Что у тебя делается, Меркулов?

— Задушил, проклятый, огнем!

— Сейчас помогу. Давай целеуказания... И хватит топтаться на одном месте. Организуй бросок вместе с Макаренко. Сейчас высота 186,7 — ближайшая задача для вас.

В полосе 321-й дивизии, которой командовал И. А. Макаренко, гитлеровцы тоже пытались накрыть наступавших огнем шестиствольных минометов, тормозили продвижение наших частей. Бой за Мело-Клетский — один из самых крепких опорных пунктов врага на центральном участке прорыва — разворачивался не так, как виделось командарму в

его замыслах. Да, на макете всего не разыграешь, всего не предусмотритишь даже с идеальным штабом. Командарм анализировал донесения и перебирал варианты решений, ища такое, которое бы вынудило противника драться в неудобных условиях, отказаться от привычной схемы оборонительного боя, подставить наступающим самые уязвимые места. Необходимо круто изменить обстановку на участке 65-й... Есть вариант, но его нужно соотнести с возможностями армии, проработать детали. А когда? Началось наступление, командарм направляет, координирует действия огромной массы войск, техники... И все же он должен найти время и досконально продумать новое решение, чтобы не нарушить общий замысел операции, не рисковать тысячами жизней...

Начальник штаба Глебов позвонил с командного пункта (КП) армии: сосед 65-й — командующий 21-й армией Чистяков в 12.00 ввел в прорыв 4-й танковый корпус в направлении Евстратовского.

— Отлично! Если 21-я разовьет успех, кольцо сомкнется и Паулюс окажется в окружении... 65-я должна наступать еще энергичнее, чтобы помочь Чистякову скорее встретиться с войсками Сталинградского фронта.

Командующий Донским фронтом К. К. Рокоссовский и начальник артиллерии фронта В. И. Казаков как подгадали — приехали к Батову, когда туман исчез, будто втоптаный в снег тысячами ног и сотнями танковых гусениц, и в стереотрубу можно было наблюдать захватывающий порыв бойцов 65-й.

Путь полку Чеботаева из 304-й дивизии Меркулова преградил меловой обрыв, крутой, десятка два метров в высоту, а где и больше. Даже не спеша и не под огнем попробуй взобраться, если сапоги скользят, а рукам не за что уцепиться. Но солдаты

находят уступы, поддерживают друг друга, упрямо карабкаются все выше и выше. Чеботаев сам в цепи наступающих — он возглавил один из батальонов в тот момент, когда бойцы на мгновение замялись у меловой стены. Полк какими-то фантастическими усилиями одолевает препятствие.

Вслед за тем командиры, наблюдавшие за ходом боя, увидели, как танкисты И. И. Якубовского и М. В. Невжинского с двух сторон прорвались в обход Мело-Клетского. Они шли к высоте 186,7, на ходу стреляя по дзотам.

Командующий фронтом доволен. Дьявольский треугольник высот, как Батов назвал потом место, где застопорилось наступление, к концу дня миновали. Однако темп продвижения ударной группы не удовлетворял командарма. Он позвонил заместителю начальника артиллерии армии З. Т. Бабаскину:

— Бой в глубине показывает, что разведка целей ведется плохо. Исправьте ошибки артиллеристов. Проверьте продвижение орудийных расчетов в боевых порядках пехоты.

Начальнику оперативного отдела подполковнику Ф. Э. Липису Батов дал такое задание:

— Ориентироваться в обстановке на направлении к Ореховскому, в районе высот с отметками выше двухсот. Меня интересует одно: уловить момент, когда можно будет взять из дивизий обе танковые бригады. (Речь шла о танковых бригадах И. И. Якубовского и М. В. Невжинского, которые поддерживали 304-ю и 27-ю гвардейскую дивизии.)

Это уже касалось варианта, который вынашивался, зрел в горячий день, кажется, совсем неподходящий для размышлений «впрок»... Неподходящий... Ничего подобного! Командующий армией не может оправдывать шаблонное руководство, свою недалё-

новидность тем, что сегодня ему некогда, мол, смотреть дальше первой траншеи... Так недолго на первой же траншее и споткнуться...

Дальнейших решительных действий, усиления темпов наступления потребовал от П. И. Батова и командующий фронтом. Уезжая из 65-й армии, К. К. Рокоссовский заметил:

— Противник оказывает неожиданно упорное сопротивление.

Однако Батов не уловил в словах командующего фронтом никакой скидки на непредвиденность. К тому же командующий не забыл добавить:

— Помните, вы отвечаете за левый фланг 21-й армии.

(Упорное сопротивление гитлеровцев позже перестали расценивать, как неожиданное. Оказалось, наше командование пользовалось неточными, сильно преуменьшенными данными о численности и боевой оснащенности группировки Паулюса. Естественно, ошибочность сведений повлекла за собой некоторые неувязки в расчетах. Тем большее восхищение вызывает героизм солдат и тех, кто вел их в бой.)

Когда настало время подвести итоги дня, командарм собрался с мыслями, продумал еще раз все, что касалось только что родившегося плана, чтобы, не откладывая, дать на детальный «раскрой» штабу.

За первый день боев при прорыве обороны части 65-й армии взяли штурмом 23 дзота. 27-я гвардейская дивизия продвинулась на восемь километров, примерно так же шагнула 304-я; И. А. Макаренко от них отстал, но зато его 321-я дивизия вовремя и ощутимо помогла С. П. Меркулову и вместе с 23-й дивизией полковника П. П. Вахрамеева сковала действия 376-й немецкой дивизии и вовлекла в тяже-

лый бой около полусотни вражеских танков — как раз те силы, которые угрожали флангу 21-й армии И. М. Чистякова.

Что хорошо, то хорошо. Но темп, темп! Ставка, командование фронта требуют его наращивать и наращивать. Да и сам командарм понимает, что стремительность в наступлении все равно что разбег при прыжке — не наберешь скорость при разбеге, далеко не прыгнешь. Вот тут и созрело окончательно то решение, которое вынашивал, руководя действиями армии при прорыве обороны и в первый день наступления: «Собрать в кулак все имеющиеся в распоряжении армии танки, на них и на грузовики посадить пехоту и десантом двинуться вперед по тылам сиротинской группировки немцев, которая мешает на пути; атаковать неожиданно и расчетливо систему вражеских опорных пунктов, нарушить четко продуманную стройность обороны противника и расчистить дорогу своим дивизиям».

Только прежде взвесить все хорошенько, чтобы благой порыв не увел от реальности и не обернулся труднопоправимым промахом. Даже то, что кажется бесспорным,— проверь на самых точных весах — заповедь с первых шагов на военной службе. Взять из наступающих дивизий танки...— не свяжет ли это по рукам и ногам пехоту? Нет, если удастся за ночь сосредоточить на передовой максимум армейских резервов, утром ввести в бой из второго эшелона 252-ю дивизию и, таким образом, не ослабить давление с фронта. Тогда замысел оправдает себя.

«У меня даже был на примете офицер, пригодный для руководства этим делом,— вспоминал позже Батов с присущим ему умением кратко, но исчерпывающе характеризовать командира,— резервный командир полковник Георгий Иванович Анисимов. Я его

знал по службе в мирные дни, знал, что он окончил Академию Генштаба, и был приятно удивлен, когда он появился у нас в Озерках. Смелый, горячий полковник как будто был создан для десантов или рейдов по тылам врага. Не так давно его дивизия участвовала в наступательных боях под Ерзовкой, у Волги, в трудных условиях, без серьезной огневой поддержки продвинулась километра на полтора, понесла потери. Скорое на руку армейское начальство поспешило снять комдива, но Рокоссовский терпеть не мог несправедливого отношения к кадрам, восстановил Анисимова в должности, а так как дивизия ушла на переформирование, прислал полковника в 65-ю в качестве резервного офицера. Георгий Иванович жаждал проявить себя, поскольку все-таки была задета его командирская честь».

Взаимопонимание между командармом и аппаратом штаба проявилось и тут: Глебов сразу уловил смысл идеи. Штаб быстро сделал необходимые расчеты по механизированной группе, определил ее состав, средства артиллерийской поддержки и авиационного прикрытия. Командарм сам провел рекогносцировку в направлении Ореховского. 20 ноября группа — танки и четыре батальона стрелков на грузовиках и на броне — ушла в рейд.

Командир группы Анисимов наладил полное взаимодействие с командиром участвовавшей в рейде 91-й танковой бригады Якубовским. «Подвижное соединение» (так назвал его Батов) быстро вышло в тыл сиротинской группировки фашистов, с ходу блокировало опорные пункты и перерезало пути, по которым противник из глубины обороны спешил на выручку своим частям. Механизированная группа двигалась стремительно. 23 километра в сутки — подобного броска в условиях насыщенной обороны, сильно пе-

ресеченной местности, снежных заносов ни на Донском, ни на соседних фронтах тогда еще не совершал никто. С полевого аэродрома, захваченного группой Анисимова, гитлеровцы не успели поднять самолеты, и 42 машины стали трофеями десантников.

Батовский почерк уже читался в боевых действиях 65-й. Командарм с оперативной группой почти все время находился в наступающих соединениях. Батов считал, что руководить армией во время наступления лучше, надежнее всего, когда, говоря его словами, «ощущаешь биение пульса войскового организма», когда чувствуешь бой, когда командиры дивизий, полков знают, что командующий рядом, что он владеет обстановкой и своей рукой направляет ход событий.

Руководить армией помогала та отлаженность штабного механизма, которой сумел добиться со своими помощниками Иван Семенович Глебов и которую Батов с первого дня по прибытии под Сталинград горячо и умело поддерживал. Своевременная и плодотворная разведка, надежная связь по радиации войсками и своим штабом давали возможность командарму ощущать динамику операции и в нужную минуту вмешаться, повлиять на ее развитие. Под рукой карта, стереотруба, рация, телефонный аппарат, рядом оператор, связисты — и армия подвижна, гибка, послушна его мысли и воле.

Батову стало известно, что противник отходит к переправам у Вертячего и Песковатки. Он тут же отдает распоряжение «всем перейти к преследованию, выбросить подвижные отряды для перехвата путей отхода...»

Дивизии штурмуют Вертячий. Командиры докладывают, что встретили сильное огневое сопротивление. Командарм приказывает: блокировать фашист-

ские части небольшими группами, а главные силы — в обход. (Противник — генерал заметил это еще в сорок первом — болезненно чуток к охватам.)

Гитлеровцы очертя голову бросаются в контратаки, пробуют контратаковать даже ночью, хотя ночной бой — не их стихия. Когда 24-я дивизия Прохорова овладела Черным Курганом, фашисты, не дав ей закрепиться, ударили танками по ее флангам. Генерал тут же комдиву: «Прохоров, посылаю на помощь две танковые роты, отбейся!»

После трудной, но блестяще проведенной схватки, Вертячий занят частями 65-й армии.

Слаженными действиями армий Донского, Юго-Западного, Сталинградского фронтов группировка Паулюса окружена и, как сказал тогда Батов, «заперта на замок». Противнику не удалось закрепиться на внешнем обводе обороны. Теперь необходимо либо заставить сдаться окруженных, либо рассеять их группировку на части и уничтожить.

Но то — следующий этап Сталинградской битвы. Операция же на окружение завершена. 65-я армия выполнила задачу, поставленную штабом фронта, и доказала, что такие сложные задачи ей по плечу.

...Даже не верится, что недавно Вертячий полыхал боем. Снег припорошил пожарища, скелеты сгоревших машин, остывшие тела орудий. Война оставила эти места и пока затихла. В большой палатке по фронтовым понятиям необычайно уютно. Тепло. Накрыт стол. Командование 214-й стрелковой дивизии отмечает сразу три события: годовщину формирования дивизии, переход ее из 24-й армии в 65-ю и Новый год. За столом — командующие обеих армий — И. В. Галанин и П. И. Батов.

Вспоминают об Испании. Ведь комдив 214-й Николай Иванович Бирюков и Павел Иванович Батов —

участники гражданской войны на испанской земле. Теперь она кажется событием далеким — нынешняя война заслонила, отодвинула на огромное расстояние все, что осталось за чертой сорок первого года. Говорят о нынешней войне. Больше всего, естественно, хочется заглянуть в наступающий сорок третий. Суровая зима — первое испытание, которое он приготовил, а дальше — все знают — предстоят новые испытания огнем, окопами, верстами... Но все же этот год должен стать нашим годом, годом, который решительно отодвинет фронт к германской границе, к Берлину, а Москву приблизит к победе — Сталинградская битва тому надежное подтверждение.

Когда поздравили друг друга с наступившим 1943 годом, поднялся Батов:

— Мы довольны, что 214-я дивизия вошла в состав нашей армии. Могу пообещать ей место в первом эшелоне — нам известно ее боевое прошлое. Командование 65-й армии не сомневается, что в наших рядах дивизия приумножит свою ратную славу... А чтобы вы почувствовали, что мы приняли вас в свою семью, сегодня же пришлем вам артистов — в армии как раз выступает концертная бригада. Считайте, что это входит в подготовку к решительному наступлению на группировку Паулюса. А вы уважьте артистов. Они очень хотят увидеть живых немцев. Пусть ваши разведчики покажут, на что они способны, добудут «языка».

Людям, сидевшим в тот вечер в праздничной палатке почти рядом с городом, где вот уже несколько месяцев проходит главная передовая линия всей второй мировой войны, не хотелось думать в ту ночь о войне, о ее беспощадном характере, о нечеловеческих испытаниях, которых у нее припасено для солдата

столько, что в иные времена хватило бы на много поколений, об изнурительной бесконечности фронтовых дорог... Не хотелось думать... А как не думать?!

Командарм в новогоднюю ночь думал о своих солдатах, о том, как выйти к Волге, сохранив по возможности больше солдатских жизней, и потому не мог отрешиться от забот даже за праздничным столом, забот, которых перед новым наступлением не перечесть. Надо получить пополнение и успеть поработать с ним; до мельчайших деталей изучить обстановку перед фронтом армии, сделать оперативные расчеты, проверить готовность всех тыловых служб действовать в здешней обстановке. Кругом степь, все открыто — раненого из боя попробуй-ка вынеси! Да и до боя проблема на проблеме: полено дров ценится не меньше, чем танк, воду на передовую приходится возить за несколько километров, тыловое имущество укрыть нечем.

Кроме 214-й дивизии Батову передали из 24-й армии 173-ю дивизию полковника В. С. Аскалепова. Новые дивизии — новые люди. У командарма принцип: не просто познакомиться с дивизионным и полковым комсоставом, но узнать каждого, кому завтра, а то и сегодня выполнять твои приказы, да узнать не поверхностно, а «раскусить», понять. Командарм считает: «На любом участке работы формальные отношения, исходящие лишь из служебного положения, мало что дают для пользы дела. Польза будет тогда, когда начинается контакт личностей. На войне это правило действует с особенной силой, так как война — самое крутое и резкое испытание характеров».

И он не жалел времени на знакомство с новыми дивизиями, но не забывал и старые, и те части, с которыми предстояло взаимодействовать. Каждый день, проведенный в войсках, прибавлял уверенно-

сти в том, что армия может участвовать в завершении битвы на Волге.

И 65-я армия дождалась своего часа. «Войскам этой армии предстояло решить трудную задачу — она первой наносила главный удар», — писал после войны маршал Рокоссовский, вспоминая операцию «Кольцо» и роль в ней 65-й армии. Столь ответственное задание, полученное армией Батова, свидетельствовало о том, как высоко ценило ее командование Донского фронта, которому Ставка поручила ликвидировать окруженную группировку Паулюса.

Чтоб главный удар оказался максимально чувствительным для врага, пришлось накануне провести еще одну операцию. Дело в том, что в полосе предстоящего наступления армии противник занимал ряд высот. Надежно оборудовав эти высоты в инженерном отношении, гитлеровцы очень разумно использовали их в оборонительной системе: на скатах, обращенных к нашим частям, фашисты держали боевые охранения, а вся огневая мощь таилась на обратных скатах. Попробуй взломать такой передний край!

Командование 65-й армии думало, что предпринять, и остановилось на таком варианте: до начала операции «Кольцо» улучшить свои позиции, выбив гитлеровцев с высот перед фронтом. Рокоссовский согласился с этим замыслом и, как всегда, предложил дать наметки по главной операции. Таким образом, штабу армии пришлось готовить, по-существу, два удара. Командарм, по своему обыкновению, объезжал войска; дольше всего он задерживался в дивизиях, которым предстояло отвоевать злополучные высоты — у Бирюкова, Меркулова, Аскалепова и в танковой бригаде Якубовского, не разлучавшейся с 65-й армией на всем протяжении Сталинградской битвы.

Фашисты понимали, что значит для них потерять эти высоты, и сопротивлялись жесточайше. Потом, когда развернулись основные события, они ощутили невосполнимость потерь, понесенных в бесчисленных контратаках, однако стремление во что бы то ни стало отстоять высоты поначалу оттеснило все остальное. К тому же Манштейн, пробивавшийся с запада на выручку Паулюсу, приблизился в те дни к «котлу» на считанные километры, и вспыхнула близким светом надежда на спасение у окруженных, а вместе с ней усилилась ярость сопротивления.

Свирепые контратаки обрушивались на войска Батова. В одном из донесений Рокоссовскому штаб армии докладывал: «65-я армия своим правым флангом в ночь на 30-е декабря и с утра 30 декабря вела ожесточенные бои с контратакующим противником, который пытался вернуть рубежи обороны и с 2.00 до 9.00 предпринял шесть контратак...» Шесть контратак за несколько часов! Чтобы удержать занятые рубежи, штаб армии использовал все: взаимодействие артиллерии с пехотой и танками, поддержку наступающих огнем гвардейских минометов, пустили в ход изобретение саперов — бетонные колпаки для наблюдателей-артиллеристов, «поселявшихся» на высотах сразу же после того, как там закреплялась пехота...

Командарм все время находился в передовых частях. Ненадолго заглянул в штаб и с порога вопрос: «Как «Кольцо»?» Штаб заканчивал в те дни разработку предложений по этой операции. Батова познакомили с наметками. Одобрил. Над некоторыми позициями предложил подумать еще.

Разработку отправили в штаб фронта к назначенному Рокоссовским сроку. Основные предложения и расчеты штаб фронта принял. Они вписались в об-

ций замысел операции. И снова Батов собирает у макета командиров, которым предстоит руководить боевыми действиями в полосе наступления 65-й армии. Вводные дает сложные: «Дивизия безуспешно пытается прорвать оборону противника, а соседи продвигаются в хорошем темпе. Надо ли воспользоваться их успехом?», «Приостановите или нет наступление дивизии, перейдете ли временно к обороне, чтобы отбить контратаку танков?» Решения предлагают разные. Спорят. Командарм загорается и своим азартом вносит в занятия остроту и полемический жар. Вместе ищут лучшие ответы, а командарм не устает напоминать: «Только не считайте, что все определили окончательно! Никакого шаблона! Развивайте в себе чувство боя, тогда он подчинится вашей воле, вашей логике. Не чувствуя бой, трудно рассчитывать на успех!»

...8 января 1943 года штаб Паулюса отклонил последний ультиматум советского командования. 10 января в 8.05 прозвучал сигнал по радио «пять, пять, пять», а по телефону — слово «Родина». Операция «Кольцо» началась.

Позже Рокоссовский вспоминал тот день: «Хотя в результате мощного удара нашей артиллерии и авиации немецкая оборона на некоторых направлениях была подавлена на всю глубину первой позиции, уцелевшие вражеские подразделения упорно сопротивлялись. Местами противник вводил в бой свои полковые и дивизионные резервы, бросая их в контратаки при поддержке танков. Мы видели, с каким трудом пехота 65-й армии преодолевает укрепления врага. И все же, сопровождаемая отдельными танками и орудиями прямой наводки, находившимися в ее боевых порядках, она продвигалась вперед. Бой принимал затяжной характер, нашим войскам приходи-

лось буквально прогрызать вражескую оборону. Огонь противника все усиливался... Но, несмотря на упорное сопротивление гитлеровцев, к исходу дня соединения 65-й армии на всем 12-километровом участке фронта сумели вклиниться во вражескую оборону на глубину до пяти километров. Несколько меньшим был успех на левом фланге 21-й армии и на правом 24-й. На участках остальных армий продвижение было незначительным, но они своими действиями сковывали крупные силы противника, облегчая задачу соединениям, наносившим главный удар...

Наступление продолжалось и днем и ночью. Кратковременные передышки допускались только на отдельных участках с целью перегруппировки сил внутри армий».

2 февраля одна из величайших битв второй мировой войны завершилась. Завершилась полным разгромом группировки немецко-фашистских войск, возглавляемой фельдмаршалом Паулюсом. Оценку этому событию дали, само собой разумеется, и та и другая сторона.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» привел такие данные: «Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 миллиона человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тысяч орудий и минометов, до 3 тысяч самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии».

А германский генерал Зигфрид Вестфаль, бывший начальник штаба Западного фронта, писал об итогах битвы на Волге: «Поражение под Сталинградом повергло в ужас как немецкий народ, так и его

армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск. В современной войне ожесточенные бои не прекращаются ни днем ни ночью, и потому обычно не остается времени осмыслить происходящее. И все-таки уже тогда стали открыто выражать сомнения в способностях наших политических и военных руководителей».

65-я армия блистательно выполнила свою задачу. В донесении командующему Донским фронтом говорилось:

«1. 65-я армия совместно с другими армиями Донского фронта закончила уничтожение и пленение окруженного противника в районе Сталинграда. 2.2.43 года к 16.00 очистила от противника заводскую часть города, уничтожив и большей частью пленив солдат и офицеров окруженной группировки немецкой армии.

2. К 16.00 2.2.43 года главные силы 65-й армии вышли на западный берег Волги на участке — завод «Баррикады», улица Деревенская, Тракторный завод.

3. За период генерального наступления с 10.1.43 года по 2.2.43 года 65-я армия, по неполным данным, уничтожила 30 500 солдат и офицеров противника. За этот же период армией захвачено в плен 26 460 солдат и офицеров».

Вместе с такими выдающимися военачальниками, как Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский, Н. Н. Воронов, генерал-лейтенант П. И. Батов был удостоен только что учрежденного полководческого ордена Суворова I степени, а также высшего ордена Британской империи 2-й степени с присвоением звания «Рыцаря Коммандора». Ордена и медали получили около семи тысяч солдат и офицеров 65-й армии. Четыре дивизии стали гвардейскими.

...Много лет спустя Павла Ивановича Батова попросили назвать самый трудный для него день Великой Отечественной войны и самый радостный. Оказалось, и тот и другой связаны у него со Сталинградской эпопеей.

— Самый трудный для меня день?... 19 ноября 1942 года. Сталинград. Почему трудный? В этот день я сдавал «экзамен» на звание командующего армией... Самый радостный?... День победы под Сталинградом — 2 февраля 1943 года.

Да, Сталинградская битва вписала первые прекрасные своим ратным пафосом строки в биографию 65-й армии. Она утвердила ее командующего в ряду самых талантливых, смелых и ярких советских полководцев. Рубеж Сталинграда остался вечным рубежом в его героической жизни.

Выбор

Самовар шумит. После непрекращавшейся три недели артиллерийской канонады его шум кажется сладкой убаюкивающей песней. Крепкий чай из самовара вприкуску с колотым сахаром — слабость командарма. Как чуть затишье на передовой, ординарец Батова Геннадий Бузинов знает: генерал непременно попросит вздуть самовар. За чаем по русской традиции неторопливый (если, конечно, резко не изменится обстановка) разговор — воспоминания, рассказы об интересных, удивительных судьбах, размышления о будущем.

Сегодня это можно себе позволить. Завершена великая битва. Пройдет, возможно, не одно десятилетие, пока военные историки, теоретики и практики военного дела до конца постигнут всю ее значительность и сложность, все источники силы войска, ее

выигравшего. А сегодня участники битвы не думают об этом. Они полностью отдались чувству долгожданной радости после успешного завершения непостижимо тяжелого ратного труда. Они отдыхают.

— А ведь я сахар-то не сразу полюбил...— Батов на минуту замолчал; ему вдруг показалось, что самовар перестал шуметь, и он тревожно вслушался в звуки, которыми жил в ту минуту теперь уже тыловой блиндаж. Но самовар потихоньку шумел, и рассказ продолжался.— Сначала вес его как следует узнал, а вкус-то уж потом. Тяжеленные мешки в лавке у купца Леонова ворочал, кули огромные носил, корзины с пивом, сахарные головы таскал в купеческое собрание... Мальчишечка-то был хрупкий, и силой богатырской меня природа не наделила. А скидок в лавке никому из работников не делали. Так что сперва я в сахаре сладости-то не ощущал. Потом узнал, какой он сладкий.

...Старый приказчик из Говядова считался в округе человеком с большими столичными связями. Как же! Много лет прослужил в Петербурге в лавках, имел знакомство с именитыми купцами, и филисовские мужики знали: заплатишь ему, отвезет в Питер мальчика, устроит. И пользовались услугами приказчика, чтобы избавиться от лишнего рта и заодно как-то попытаться вывести в люди сынишку. Петербург-то, считали, непременно уму-разуму научит. А уж если мальчонка по торговому делу пойдет—чего лучше!

Вот так и тринадцатилетнего Пашу Батова отправили со старым приказчиком в Петербург. Мать собрала котомку. Пресных лепешек четыре, не то три, несколько сваренных вкрутую яиц, кусочек салца, рубашка, две пары портянок, полотенце... Перекрестила у порога, а отец положил руку на узенькое Павлушино плечо и сказал: «Гляди там, в городе,

в обиду себя не давай. И старайся, слушай знающих людей — тебе жить...»

«Тебе жить!» Павел тогда, на четырнадцатом году, мало-мальски разумел, что такое «жить» в понятии деревенском — видел вечные хлопоты отца то на полоске земли, то на лугу, то на подворье, наблюдал повседневный быт филисовских крестьян с бесконечным трудом и редкими праздниками. Так жить он, наверное, быстро научился бы, переняв от отца привычку к труду и к неяркому, однообразному существованию. А жизнь в большом городе, куда теперь вез его бывший питерский приказчик, он никак не мог себе представить, хотя старался, слушая наставления своего не очень разговорчивого провожатого и оставаясь один на один со своим совсем еще не богатым воображением.

Петербург ошеломил и испугал его. Бесконечные улицы из упирающихся друг другу в бока громадных домов, суета невесть куда спешащих людей, сердито звенящие трамваи, река, стиснутая в берегах тяжелым холодным камнем... «Тебе жить»... Задавят тут, затопчут, и не успеет ничего узнать о жизни. Захотелось обратно в Филисово, в привычную деревенскую тишину, на простор. Но нет ему туда обратной дороги...

Понял это окончательно, когда увидел управляющего торговым домом купца Леонова. Представлял прежде купцов толстыми, с выпученными глазами на красных лицах. Оказалось — человек как человек, строг только и серьезен очень.

— Вывеску нашу читал? — спросил, будто заподозрил в чем-то непростительном.

— Читал, — прошептал Павлуша и вдруг похолодел от мысли: «А что если забуду, как там написано, а он спросит...»

— Что ж вычитал, скажи, пожалуйста...

Большие буквы, к счастью, бегом выстроились в памяти:

«Вино, фрукты, гастрономия... Леонов и... потом «К» — большое, а «о» — маленькое...»

— Маленькое, говоришь... Хорошо, что прочитать сообразил. Смышленных уважаю. Да вот сам-то ты меньше той буквы «о», что на вывеске. Что с тебя взять? Сломаешься как прутик под мешком или корзиной, отвечать за тебя придется... А?

— Никак нет, Иван Николаевич, — вмешался провожатый. — У них род, у Батовых, такой: незавидные, кажется, а двужилые... Так что не сомневайтесь...

Мальчишка сразу сообразил: если возьмет, надо изо всех сил стараться, чтоб не сомневался, поверил в то, что сказано про батовский род.

...Магазин открывался в десять утра и торговал до десяти вечера. Работы у прислуживавших приказчикам мальчиков хватало, пожалуй, не на двенадцать, а на все двадцать четыре часа. Убирать помещения, разгружать товары, разносить по городу покупки, выполнять мелкие поручения хозяина или приказчиков. Больше всего Павел боялся споткнуться и упасть под тяжестью куля или ящика и еще боялся, когда приходило время закрывать магазин: двадцать три окна (количество окон в магазине Леонова он запомнил на всю жизнь) на ночь закрывали тяжелыми металлическими решетками; таскаешь решетки и кажется, еще одну попытаешься поднять — упадешь и уже не встанешь. Но не падал — видно, прав был земляк, уверяя купца в потомственном двужиллии рода Батовых. Первое время только колоколом гудела к ночи голова и тело так ломило, будто его на току колотили цепами.

Изо всех занятий самым интересным была беготня по городу. Пускай суетно и не налегке — то с коробками, то со свертками, зато каждый раз что-то открываешь для себя в незнакомом мире, каждый раз рождается несметное количество вопросов и так увлекательно потом думать над ними, искать ответы. Не на все найдешь. Если б побольше знать! Мало, очень мало двух классов деревенской школы! Выдавалась минутка, листал случайно попадавшие в руки книжки, пробовал читать газеты. Племянник Леонова, студент, заметив тягу мальчика к образованию, посоветовал:

— А ты, когда есть время, учись. Я помогу... вот и сдашь за курс реального училища — уже образование!

Павел послушался совета. И с тех пор с помощью студента добывал книги и читал, читал, читал... Изучал русскую литературу и историю, решал уравнения, постигал законы механики. Леонов узнал об этом и, вопреки опасениям Павла, одобрил:

— Что ж, учись, познание наук — человеку на пользу. Отрок ты, вижу, прилежный, добросовестный. Подучишься еще, подрастешь на вершок-другой, в приказчики попробую перевести, даст бог и мне и тебе не в ущерб.

Павла радовали обещания хозяина. А мальчишеским воображением, между тем, все сильнее завладевали военные. В районе Забалканского и Загородного проспектов, где находились магазины Леонова, было расквартировано несколько воинских частей, причем привилегированных, — Семеновский, Измайловский и Егерский полки.

Вряд ли есть на свете мальчишки, равнодушные к окрыляющей торжественности походного марша, к брызжущим огнем глазам и точеным ногам кавале-

рийских коней, изящно гарцующих под новенькими седлами, к строгой законченности военного строя, в котором видятся сила, надежность, готовность к подвигам — словом, то, что всегда близко мужскому сердцу...

Павел порой ловил себя на том, что, бегая по городу, повторяет военные команды, воображает себя то командиром полка, перед которым вмиг замирают покорные, на удивление вымуштрованные шеренги, то юным офицером, увлекающим на подвиг верных, влюбленных в него солдат... Он все яростнее ощущал в душе желание посвятить себя военной службе. А тут четырнадцатый год. Война.

Ее воспринимали в разных кругах по-разному. Мальчишка из купеческой лавки пока еще не видел подлинного характера войны, не понимал, сколько горя несет она народу, России. Это он осознал позже. А тогда он представлял войну по журналу «Нива» с его рассказами о подвигах на фронте, с портретами лихих георгиевских кавалеров, с обещаниями грядущей блистательной победы над врагами Отечества. На улицах Петрограда Павлу тоже бросалось в глаза то, что подогревало увлечение войной: под гром оркестров уходили на фронт семеновцы, измайловцы, егеря; гимназистки с букетами цветов восторженно провожали доблестное русское воинство; в богатых семьях, куда мальчик от Леонова приносил покупки, говорили о жертвованиях на алтарь победы; девушки в платьях и косынках сестер милосердия олицетворяли собой и самоотверженность русских женщин, и патриотизм нации... Павел мысленно все чаще видел себя там, где не на живот, а на смерть бились с врагом русские армии, где с криками «ура!» кидались в штыковые атаки, с пиками наперевес мчались, чтоб окружить противника...

Правда, иной раз мимолетно, далеким отзвуком случайно услышанных разговоров появлялась боязнь: а вдруг на войне не все так красиво, как об этом рассказывается в журналах и газетах, и подвиги георгиевских кавалеров — только часть незнакомой и, может быть, совсем незавидной жизни? Однако сомнения быстро покидали его, стоило только прочитать очередной номер газеты «Копейка», где снова писали о гимназистах, которые удрали на фронт и за участие в отчаянной разведке получили Георгия. Тут же всплывало в памяти прочитанное раньше, особенно рассказ о героическом сопротивлении бельгийской крепости Льеж, которую никак не могли взять германские войска. Помнил название фортов крепости — Понтисс, Баршон, Флерон и особенно Лонсэн, державшийся дольше всех. Германцы подвезли к Льежу двенадцатисполовинойдюймовые осадные орудия, чтобы расстрелять ставшую на их пути крепость, а ее защитники держались до последней возможности...

Однажды хозяин пришел в магазин раньше обычного. Позвал Павла к себе.

— Вот что, Павлентий.— Он первый раз назвал мальчишку по имени, не то умышленно, не то случайно исказив его настоящее звучание.— Народу, ты знаешь, у меня поредело — троих приказчиков сразу взяли на войну, а посему решил я тебя в приказчиках испытать. Полагаю, должно у тебя получиться, и думаю также, что мое доверие ты оценить сумеешь... Так что становись с нынешнего дня в колониальные товары... Ежели что спросить потребуется, не стесняйся, приходи... Я на тебя, Павлентий, надеюсь... Ступай.

Колониальные товары ни сразу, ни позже не увлекли вновь испеченного приказчика Павлентия. Его

все неудержимее, все требовательнее тянуло к военной службе. «Прос́иться — не отпустит Павел Петрович. Бежать тайком и записаться в армию добровольцем?.. А почему бы не рискнуть?.. Не может быть, чтоб Отечеству не понадобился храбрый солдат и патриот?!»

В небольшой заплечный мешок он упаковал фунта полтора сухарей, пару белья, пакетик марли и складной ножик. дождался вечера, аккуратно затворил за собой дверь и, мысленно попросив у Павла Петровича прощения за то, что так неблагодарно и некрасиво покидает его, шмыгнул на улицу.

Трамвай довез его до Варшавского вокзала. Неярко освещенный перрон тут же растворил маленькую фигуру в пестрой гудящей толпе. Скоро Павел выбрался из нее и, к великой своей радости, увидел длинный воинский эшелон уже с паровозом, готовый вот-вот отправиться в путь. Время не позволяло мешкать. Павел, напрягшись (так он, вероятно, шагал бы на плацу), подошел к рослому унтер-офицеру, который наблюдал за погрузкой в вагон солдат.

— Господин унтер-офицер, разрешите обратиться?

Унтер-офицер оглядел его и равнодушно спросил:

— Чего тебе?

— Хочу послужить Отечеству... Прошу: возьмите меня на фронт...

Тот, не проявив ни малейшего интереса, кивнул головой направо и сказал:

— Вон стоит господин поручик. У него и просись. Возьмет, тогда приходи, скажи ему, что в четвертом вагоне унтер-офицер место, мол, найдет.

Павлу стало еще страшнее. К тому же поручик разговаривал с дамой, и Павел не знал, можно ли перебить их разговор или ждать, пока они расстанут-

ся... Но тогда поезд может сразу тронуться, и офицер, конечно, не станет ничего решать. «Подойду! Я ведь по делу, он должен понять...»

— Ваше высокоблагородие, разрешите обратиться...

Поручик вынул изо рта папиросу и постарался придать строгое выражение своему еще очень молодому лицу.

— Что угодно?

— Ваше высокоблагородие, хочу послужить Отечеству... Прошу взять меня на фронт... Унтер-офицер из четвертого вагона согласен, если вы...

Дама, стоявшая рядом с поручиком, вдруг откинула с лица вуаль и удивленно воскликнула:

— Володичка! Это же Павлентий — приказчик от купца Леонова. Нужно немедленно отправить его обратно... У Павла Петровича, он недавно жаловался, не хватает приказчиков, ушли на войну... Позови жандарма, пусть он отведет Павлентия обратно. Куда ему на фронт?!

Поручик не посмел послушаться даму (наверное, мать). Постоянная посетительница магазина Леонова (в сумерках и под вуалью Павел не узнал ее) настояла на своем, и «доброволец» снова очутился в магазине при своих колониальных товарах.

Старший брат Павла Николай, приехавший служить в Петроград и получивший почти сразу унтер-офицерское звание, остудил чрезмерный пыл младшего:

— Куда торопишься? Скоро тебя по закону призвут. Еще успеешь воевать. А пока используй оставшееся время. Ты за шесть классов реального сдал — хорошо! Подучись еще. Всегда пригодится.

Наконец подошел срок призыва. Вот теперь иди, воюй, Павел Батов! Теперь, хочешь не хочешь, пове-

зут тебя, защитника царя и Отечества, на фронт, и там появится возможность испытать все. Совпадет ли книжное представление о войне с ее живым лицом?

Батова зачислили на службу в третий лейб-гвардейский полк. Он был доволен. В самом названии полка было для него что-то романтическое, вызывавшее чувство гордости и заставлявшее усердно готовиться к подвигам.

Впрочем, надоедала муштра, бесконечное топанье по плацу, нудная караульная служба. То, что со стороны казалось заманчивым, порой отталкивало, даже угнетало, когда становилось твоей обязанностью, частью твоего бытия.

В конце шестнадцатого года выпускник школы прапорщиков, вольноопределяющийся второго разряда Павел Батов в звании ефрейтора отбыл с маршевой ротой на фронт.

Потянулись окопные будни — кровь и смерть, грязь, вши, скудное питание, тоскливые разговоры о затянувшейся бессмысленной войне, невеселые письма из дому о том, как бедствует народ в деревнях и городах...

Ефрейтора Батова назначили командиром отделения. И тут он опять испытал чувство боязни, но другой боязни: пойдут ли за ним солдаты, он ведь по сравнению с ними мальчишка (в отделении всем, кроме командира, уже за тридцать). Команды «В атаку!» ждал с остановившимся сердцем, сразу занемела нога, которой уперся в норку-приступочек, чтобы рывком выскочить на бруствер, и странно отяжелели руки. «За мной, вперед!» — крикнул, как потом припоминалось, каким-то детским, вовсе не повелительным, а, скорее, жалобно просящим криком. Опомнил-

ся, поскользнувшись на скате бугорка. Остановился и услышал голос солдата:

— Господин отделенный командир, будет! Атака-то кончилась...

«Господину отделенному командиру» хотелось броситься своему подчиненному на шею и расцеловать его — он увидел: солдаты за ним пошли!

...Человек говорил негромко, но смело и убежденно. А слова... Слова смутили отделенного командира. Он остановился и прислушался. Человек говорил о том, что война не нужна рабочим и крестьянам, что на войне наживаются, натравливая один народ на другой, цари, императоры, короли, капиталисты и помещики, а громкие речи об Отечестве, народном долге, патриотизме нужны им для того, чтобы обмануть простых людей и заставить их воевать.

В Петрограде Павлу доводилось иногда слышать подобные разговоры, но от мальчика из купеческой лавки, незнакомого с рядом важных сторон жизни, ускользал их смысл. А теперь, столкнувшись с фронтовой действительностью, Павел многое стал воспринимать по-другому. В словах говорившего слышалась правда.

Солдаты расступились, когда отделенный подошел. А один остался стоять, прислонившись к выложенной тонкими жердями стенке хода сообщения. Он не отвернулся, когда Батов посмотрел ему в глаза; молча и не спеша стал сворачивать мятую, побывавшую, видно, во многих карманах, газету. Рядовой Савков. Умный, храбрый и очень симпатичный солдат. Как же поступить ему, командиру отделения, видя, что Савков настраивает солдат против войны, призывает их к бунту? Сообщить об этом офицеру? Или сделать вид, что ничего не заметил? А может, сначала поговорить с Савковым?

Он не стал расспрашивать Савкова при солдатах. А когда солдаты разошлись, Савков многое объяснил ему. Начал с того, что не хочет скрывать от него правду, потому что командир отделения такой же, как они; отец его безлошадный крестьянин с нищенским земельным наделом, и Батовым, как и всем другим крестьянам и рабочим, не нужен царь, разоряющий и грабящий народ, втянувший Россию в войну. Трудящимся нужно правительство, которое защищало бы интересы народа, дало бы ему мир и землю. Об этом и пишет газета «Окопная правда», которую он читал солдатам. Он, Савков, состоит в Российской социал-демократической рабочей партии и, как член партии, считает своим долгом говорить людям правду. На фронт попал из Петрограда, с Путиловского, потому что протестовал против сверхурочной работы. Ну а если командир посчитает нужным доложить о нем начальству... Савков не верит, что крестьянский сын пойдет против солдат, тоже крестьян или рабочих, одетых в шинели.

Вот тебе задача, командир! Знал бы ты, Алексей Савков, какую сумятицу посеял в юной душе, как взбудоражил малопросвещенный в политике, только еще начинающий постигать глубины жизни ум?

А вскоре Савков спас своему командиру жизнь. Дело было так. Знаменитый тогда начальник пешей разведки подпоручик Антье взял в свой отряд все батовское отделение, поскольку отличалось оно дисциплинированностью, смелостью и дерзостью.

Однажды ночью сделали вылазку за «языком». Мигом скрутили задремавших в окопе немцев и заспешили к своим позициям. Но не успели добраться, как хлестнул по разведчикам вражеский огонь. Горячо полоснуло Батова и кинуло с размаху в какую-то черноту, только на миг осветившуюся красными,

желтыми и зелеными вспышками. И уплыл он стремительно и безвольно в незнакомое, душное безмолвие...

Очнулся уже в своих окопах. И узнал, что Алексей Савков на себе вытащил его из-под огня, принес в расположение полка и сдал санитарам.

За участие в этой операции Батов был награжден Георгиевской медалью, что давало право лечиться в Петроградском привилегированном госпитале.

Лежал он в светлой палате, а перед глазами то медленно, то быстро чередовались картины фронтовой жизни. Здесь было достаточно времени, чтобы подумать над вопросами, о которых в свое время шел разговор с Алексеем Савковым. Зачем нужна война? Во имя чего она ведется? Прав Алексей Савков и другие большевики. Ни филисовским мужикам, ни питерским рабочим не нужна эта война. Власть царя, помещиков и капиталистов несет рабочим и крестьянам лишь бедствия и страдания. Хозяином страны должен стать народ. Большевики говорят о скорой революции, и надо думать о том, что он, Батов, будет делать в решающий час, пригодится ли для той работы, на которую позовут Савков и его товарищи — большевики.

Ждать исполнения предсказаний Савкова пришлось всего несколько месяцев. В феврале 1917 года восставшим народом был свергнут царизм. Кругом все чаще произносили имя Ленина. Батов, впервые услышавший о нем от Савкова, поверил в него той верой путиловского рабочего, которая удивила его и озадачила тогда в окопах.

А осенью совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Вся власть перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Значит, филисовские крестьяне получают землю,

значит, трудовые люди скинут с себя гнет капиталистов и помещиков, и армия, наверное, родится другая — народная, и крестьянский парень Павел Батов постарается отдать ей все свои способности!

...Дело у Павла Батова шло на поправку. Но медленно. Из госпиталя выписали только в восемнадцатом. Причем сказали, что годен пока лишь для тыловой службы, и отправили в родные края — в Рыбинск, в распоряжение тамошнего гарнизонного начальника.

Наступила весна, суровая, тревожная. Все, кто стоял за Советскую власть и был способен носить оружие, записывались в Красную Армию. Павел Батов получил назначение в 1-й Рыбинский стрелковый полк помощником командира взвода. На фронт не пустили из-за ранения. Занимался в основном мобилизационными делами и учил новобранцев — готовили тогда в Рыбинске маршевые роты и подразделения ЧОНа и отправляли кого на восток — против Колчака, кого на север — против интервентов.

Пришлось и Батову столкнуться с врагами Советской власти в открытом бою. Вспыхнули на ярославской земле белогвардейские мятежи — Ярославль, Рыбинск, Молога, Пошехонье... Надеялись контрреволюционеры, что поддержит их крестьянство и вонзят они штык в спину Москве...

На первый взгляд обычная шла война — с криком «ура!» кидались врукопашную, падали под пулеметной сечью, брали, отдавали и снова брали какую-нибудь деревеньку. Нет, не обычная шла война! Гражданская, между силами старого и нового мира. За деревеньку бились с такой яростью, как будто тут, в десятке низеньких серых хаток, и должна была утвердиться вся Советская власть и каждый в цепи лично отвечал: свершиться тому или не свершиться.

И Павел Батов чувствовал, что отвечает за всю войну, за ее исход — и тут, неподалеку от родного Филисова, и под Петроградом, и в Сибири. Такое же чувство старался воспитать в бойцах, которых обучал делу. Всегда вспоминал при этом Алексея Савкова, его манеру говорить с людьми, его умение все объяснить убедительно и доступно, а главное — его веру в великую правоту дела партии большевиков.

В 1919 году посчастливилось еще раз встретиться. Алексей Савков стал комиссаром бригады в дивизии Уборевича. Ту ношу, что доверила ему революция, нес он гордо и уверенно, счастливый ею и всей своей судьбой.

Учиться бы и учиться у него! Нет, не пришлось. Война свела — она же и разлучила навсегда. В жестком бою под Шенкурском пал от белогвардейской пули пролетарский комиссар Савков. Гибель его еще больше укрепила в Павле Батове решение — посвятить себя службе в Красной Армии. Начальную боевую школу он прошел. Дальше ждала другая наука. Высшая.

«Войска сделали все возможное...»

Ракета холодным огнем осветила черное южное небо, но, словно почувствовав себя бессильной против бездонного моря темноты, быстро потухла. За ней взлетела и потухла другая. Потом еще одна. Гитлеровцы. Они подошли совсем близко к Перекопу и, может быть, уже завтра утром предпримут первую попытку прорваться в Крым.

Генерал-лейтенант Батов смотрел на нервные вспышки ракет и, хотя не видел при их свете ничего, кроме выхваченных из тьмы кусков неба, внутрен-

нее зрение отчетливо рисовало ему то, что происходило совсем рядом... Немецкие офицеры, столпившись у стола, на котором разостлана карта Крыма, слушают уверенного в себе, немногословного генерала; артиллеристы уже получили цели на завтра; серые громады танков до утра, только до утра, остудили свои моторы, пехотинцы, подвезенные в район сосредоточения на больших крытых грузовиках, отдыхают, чтобы завтра по команде ринуться, паля на ходу из автоматов, на его, Батова, позиции и попробовать сразу смять его оборонительные порядки и хлынуть серой, гремящей железом массой к Черному морю.

Гитлеровцы рядом. Разведывательный отряд капитана Лисового уже встречался с их передовыми частями. «Язык», добытый отрядом, назвал несколько дивизий, двигавшихся к Перекопскому перешейку. Вот-вот жди удара.

Тяжелая обстановка сложилась не только на его участке фронта. Здесь, на юге, осаждена Одесса, противник форсировал Днепр в нижнем течении, немецко-фашистские войска под Киевом, взят Смоленск, идут бои под Ленинградом... Драматичнее ситуацию вряд ли представишь. И вот в этой ситуации от него, Батова, во многом зависит судьба Крыма. И, возможно, завтра придет его черед показать, как он подготовился к сорок первому году.

Подготовка эта продолжалась примерно 20 лет. Вспоминая их, он не мог хотя бы один год назвать легким и беспечным... После гражданской он остался в армии. Занимал командные должности и жадно, ненасытно учился. На курсах «Выстрел» познавал основы классического военного искусства, уяснял простую мудрость суворовских маневров и сражений, баталий 1812 года, анализировал операции граждан-

ской войны, штудировал первые труды советских военных теоретиков.

В 1929 году красного командира Павла Батова приняли в партию большевиков. Он давно уже связал с партией свою жизнь, свои помыслы. Но никогда еще он так явственно не ощущал, какая ответственность ложится на него за порученное дело, за свою страну. Эта высокая мера ответственности стала с тех пор определяющей каждый его последующий шаг, каждое решение, каждый поступок.

Счастливая судьба — только так расценивал Батов — привела его в знаменитую Московскую пролетарскую дивизию. Начальник штаба одного из лучших в дивизии — третьего полка, а потом его командир, Батов прошел там великолепную школу. Прежде всего общение с талантливыми военачальниками. Он навсегда запомнил встречи с Михаилом Николаевичем Тухачевским. Самый молодой советский маршал покорял всех своим человеческим обаянием, манерой держаться, искренней заинтересованностью во всем, что касалось будничной жизни воинов. Интереснее всего, конечно, было его слушать. Восхищали его военная эрудиция, глубина и оригинальность мыслей, новизна суждений.

Смелыми, даже дерзкими, сулящими прямо-таки революционные изменения в оперативном искусстве воспринимались его идеи относительно использования в будущей войне крупных механизированных соединений, воздушно-десантных войск, теоретические посылки, касающиеся глубоких операций фронтового и армейского масштаба. После его приезда командиры Пролетарской долго еще жили обсуждением блестящих, дальновидных мыслей. Хотелось искать и дерзать самим, чтобы в будущих сражениях с фаши-

змом (что они неминуемы, после тридцать третьего года никто из командиров не сомневался) бить врага умом, талантом, опытом.

Интересно было работать с комдивом Львом Григорьевичем Петровским — человеком прекрасно подготовленным, думающим, охотно поощряющим творчество. Петровский умел организовать жизнь дивизии так, что увлекало все: и учеба, и спортивные соревнования, и самодеятельность, и подготовка к большим маневрам, и встречи новобранцев, и репетиции парадов. И не случайно целая плеяда командиров-пролетарцев выросла в Великую Отечественную в командующих крупными войсковыми соединениями и прославила Советскую Армию. Николай Николаевич Воронов, Сергей Семенович Бирюзов, Василий Иванович Казаков, Яков Григорьевич Крейзер, Кузьма Никитович Галицкий — этих имен вполне достаточно, чтобы убедить, что так оно и было.

У третьего полка существовала хорошая традиция — всегда стремиться держать первенство в дивизии. Приняв его под свое командование, Батов сделал все, чтобы традицию не нарушить. Почти одновременно с Батовым в должность военного комиссара полка вступил Василий Иванович Дружинин. Способный политработник и перспективный командир полка отлично дополняли друг друга. Учение ли, инспекторская ли проверка, будничные ли занятия в поле, на стрельбище, в классах — третий полк всегда дисциплинирован, мобилен, сложен, грамотен в действиях. Он несколько лет подряд завоевывал первенство в дивизии. Лучший полк получал место на правом фланге при построении дивизии, имел право открывать парад на Красной площади. Успехами, разумеется, гордились.

14 мая 1936 года ряд командиров Красной Армии был удостоен правительственных наград. Батов получил орден «Знак Почета».

В том же тридцать шестом — Испания. После возвращения оттуда награжденный орденами Ленина и Красного Знамени комбриг Батов назначается командиром стрелкового корпуса. Он участвует в освободительном походе в Западную Белоруссию, потом в боях с белофиннами, а затем до середины июня 1941 года занимает должность заместителя командующего войсками Закавказского военного округа.

...В Симферополь генерал Батов прилетел 21 июня 1941 года. Ему предстояло командовать сухопутными войсками Крыма и одновременно 9-м стрелковым корпусом.

Даже опытным, выдавшим виды военачальникам не рисовалось такое течение событий, какое преподнесли июнь, июль, август. В первые же дни генерал-лейтенант получил из Ставки директиву, предписывавшую оборонять побережье Крыма и не допустить высадки вражеского десанта с моря. Тогда резонно полагали, что морской десант — единственная опасность, которая может угрожать полуострову.

Сил, сил маловато! В распоряжении Батова только две не полностью укомплектованные дивизии, в которых четыре артполка, причем тоже неполного состава: танков нет, саперы и связисты пока где-то на формировке... Правда, рядом Черноморский флот. Батов быстро установил контакт с командующим — вице-адмиралом Ф. С. Октябрьским. Что могли сделать совместно, сделали: морские мины приспособили для минирования побережья, с кораблей, находящихся в ремонте, сняли орудия и установили их на позициях сухопутных войск, создали артиллерийские группы поддержки, включив в них тяжелые кораб-

ли. Велось интенсивное строительство оборонительных сооружений...

А враг подошел к полуострову с севера...

Когда в двадцатых числах июля гитлеровцы форсировали Днестр и стали быстро продвигаться на восток, Батов понял, что Крыму скорее грозит не десант с моря, а нападение с суши, и поспешил принять меры, чтобы укрепить Перекопский перешеек. Перекопский вал, Ишуньские позиции, река Чатырлык — только тут и можно попытаться запереть вход в Крым. Дальше — ровная, без единой складки степь, и там, если принять во внимание силу гитлеровской авиации, долго не продержишься...

С командиром 106-й дивизии полковником Первущиным Батов долго колесил по перешейку. Смотрели, оценивали местность, прикидывали возможности сторон. В гражданскую войну белогвардейцы удачно укрепили перекопские позиции. Кое-чем из тех сооружений можно воспользоваться. Но лишь кое-чем. А в основном для современной войны все надо строить заново.

Подняли военных, привлекли гражданское население. Строительство пошло довольно быстро. 14 августа — немецко-фашистские войска не сегодня-завтра выйдут к Днепру — Ставка приняла решение создать для обороны Крыма 51-ю армию. Командовать ею назначили генерал-полковника Ф. И. Кузнецова. Батова — его заместителем.

В те дни он часто вспоминал Испанию, куда приехал в октябре тридцать шестого в разгар боев под Мадридом. Пришлось наспех сколачивать части, обходиться без аппарата управления, без связи. Хорошо, что он прошел ту школу.

...В Испании собрались люди из многих стран Европы, Америки, разных возрастов и профессий, раз-

личных политических взглядов и религиозных убеждений. Сила, подчиняясь которой люди ехали сюда, рождалась из ненависти к фашизму. Ненависть к палачам народов, разрушителям цивилизации, врагам демократии привела в Испанию Луиджи Лонго, Людвига Ренна, Матэ Залку, Кароля Сверчевского, Ральфа Фокса, Манфреда Штерна. Защищать республику вызвались сотни советских добровольцев — летчики, танкисты, артиллеристы, моряки. Формировались интернациональные бригады, бравшие имена Гарибальди и Линкольна, Домбровского и Тельмана, Барбюса и Луизы Мишель, Чапаева и Димитрова. Прогрессивный мир жил стремлением помочь Испанской республике подавить фашистский мятеж, опасность которого тысячекратно усиливалась поддержкой Гитлера и Муссолини.

В конце октября мятежники предприняли решительное наступление на Мадрид, хвастливо предсказав его падение к очередной годовщине Октябрьской революции в России. Положение республики становилось критическим. Ее защищали в те дни отряды народной милиции и части, созданные на скорую руку, в основном из рабочих (примерно 145 тысяч человек составляли до мятежа регулярную армию; из них около 100 тысяч оказались на стороне Франко). Испанская компартия призвала республиканцев сделать Мадрид испанским Петроградом. Советник Пабло Фриц (такое имя носил в Испании полковник Батов) принял этот призыв и умом и сердцем. Сражаясь под Мадридом в 1-й бригаде Энрико Листера, Батов помог организовать контрудар с целью ослабить правый фланг фашистской группировки и сорвать план генерала Франко по окружению столицы. Батов вместе с Листером и советским добровольцем танкистом Полем Арманом нашли способ, как лучше использовать

в бою танки, как добиться их взаимодействия с пехотой, как эффективнее применить огневые средства.

Решительным контрударом республиканцы выбили мятежников из городка Сесенья, вывели из строя две батареи и рассеяли три кавэскадрона марокканцев. Положение на этом участке фронта несколько улучшилось. Вместе с тем операция не привела к тому результату, на который рассчитывало командование и какой хотел бы видеть Батов. И он понимал почему.

Командование бригады не располагало достаточными силами, чтобы нанести удар по всем правилам военной науки, вводя в бой по мере надобности авиацию, артиллерию, танки; штаб не имел необходимых средств управления и связи, и командиры не получали необходимых указаний от тех, кто направлял ход боя; к тому же у работников штаба просто-напросто не хватило опыта и умения так продумать, спланировать операцию, чтобы избежать непредвиденных, стихийных поворотов событий, не было возможности все до мелочей своевременно и расчетливо подготовить.

Батов сделал тогда для себя выводы на будущее. Словно предвидел жаркое лето сорок первого года в Крыму.

...Манштейн совсем близко. Вот-вот его 11-я армия войдет в соприкосновение с нашей 51-й. В это время Батов в соответствии с приказом командования принимает срочные меры по формированию и обучению новых дивизий. Приходится преодолевать большие трудности: не хватает оружия, патронов, снарядов, амуниции.

Укреплению обороны Крыма мешают и некоторые другие обстоятельства.

На Перекопский перешеек послано всего три дивизии. Остальные соединения остаются либо в районе Симферополя, либо выводятся на побережье: Ставка по-прежнему не исключает десант с моря, командарм, как убедился Батов, тоже думает в основном о «южном варианте». Кроме того, примерно за неделю до выхода вражеских войск к Перекопу пришлось отправить из 51-й армии в Одессу, где создалось очень тяжелое положение, несколько тысяч винтовок, пулеметы, минометы, боекомплекты к ним...

Батову достался север. Что ж, он никогда в жизни не искал легкого хлеба. Он считал необходимым выполнять долг коммуниста и солдата там, куда поставлен, и до тех пор, пока нужно и возможно.

Манштейн (как стало известно позже) бросил против оперативной группы Батова 30-й и 54-й армейские корпуса, каждый в составе трех дивизий; 49-й армейский корпус из двух дивизий и моторизованные дивизии СС «Адольф Гитлер» и «Викинг». С ними шли около 40 полков артиллерии, а с воздуха их поддерживал 4-й авиационный корпус.

24 сентября гитлеровцы начали наступление. Ему предшествовали массированная артиллерийская подготовка и мощный удар с воздуха. И тут же на наши укрепления поползли танки. Казалось, им нет счета. Батов понял, что замысел Манштейна сводится к тому, чтобы пробить стальным кулаком брешь в их обороне, прорваться на крымское степное раздолье, где закованную в металл лавину остановить будет нечем, и разом решить судьбу операции. Батов понял еще, что в лобовом поединке ему Манштейна не одолеть. Гибкость и дерзость в сочетании с умением грамотно организовать бой — вот что следует противопоставить немецкому тактическому шаблону. И не дожидаясь, пока подтянутся силы из-под Сим-

ферополя и из Евпатории, Батов тремя полками контратаковал Манштейна. Ни снаряды, ни бомбы не остановили поднявшихся навстречу врагу бойцов. Гитлеровцев ошеломил ответный вызов русских. Они растерялись, попятились и отдали Армянск, который только что большой кровью захватили. (Потом Армянск несколько раз переходил из рук в руки.)

Батов выиграл время — подоспели главные силы 172-й дивизии и 5-й танковый полк. Стало чуть легче. Легче и от сознания того, что сумели дать урок Манштейну — показали свое умение воевать даже в такой ситуации, когда, по понятиям немецких генералов, надо бы бросать оружие и сдаваться.

А обстановка тем временем накалялась. Гитлеровцы вводили и вводили в бои свежие резервы. 28 сентября Турецкий вал в районе Перекопа четырежды переходил из рук в руки. Гитлеровцы рвались к Ишуньским позициям, а 156-я дивизия пять дней не пускала их за Турецкий вал. В конце концов наступательный порыв противника стал гаснуть. Манштейна вынудили устроить перерыв. Двадцать дней он готовил продолжение операции, подтягивал новые части.

Батов со своей стороны предпринял шаги, которые обеспечивали, на его взгляд, возможность и дальше изматывать врага, должны были заставить его стянуть в Крым войска, предназначенные немецким командованием для других направлений. Он отвел 172-ю дивизию на рубеж реки Чатырлык и создал еще одну полосу обороны, укрепив тем самым Ишуньские позиции. Его решение в той обстановке оказалось единственно верным. Приходилось маневрировать небольшими силами, которые находились в его распоряжении. Подкрепления он не ожидал. Крым был отрезан, и наше командование, даже если бы

имелась возможность что-то перебросить в 51-ю армию с Южного фронта, помочь ничем не могло. 30 сентября пришло сообщение, что Ставка распорядилась эвакуировать Приморскую армию из Одессы и переправить ее в Крым. Но сколько пройдет времени, пока она выгрузится в Крыму?

17 октября гитлеровцы возобновили наступление. У Манштейна — 356 тысяч человек, 375 танков, 1428 полевых орудий; у Батова — 16 тысяч человек и около 50 орудий. Значит, снова Батов может рассчитывать только на военное искусство, на стойкость и храбрость своих бойцов. Он и рассчитывал на это. И не ошибался.

Двадцать четыре часа вел бой на Ишуньских позициях батальон С. Т. Руденко, оборонявшийся на берегу Каркинитского залива. «Нас атаковали немцы силою свыше полка при одиннадцати танках, — вспоминали участники боя уже после войны (Батов включил этот рассказ в свои мемуары). — Первой с ними схватилась восьмая рота, стоявшая впереди окопов батальона, на высоте 3,0. За час рота отбила несколько атак. Бутылками КС сожгли два из одиннадцати танков.

Было трудно. Комбат Руденко послал на помощь два пулеметных взвода. Не могли пройти к высоте, такой был минометный и орудийный огонь. На третьем часу боя наша героическая рота отошла на основные позиции переднего края батальона. На руках несли погибших в неравном бою командира роты лейтенанта Терехина, бывшего рабочего судоремонтного завода, политрука Д. М. Гугу, в прошлом работника Ялтинского горкома партии, и заместителя командира роты сержанта Золотухина.

...Опять сильный немецкий артналет, и гитлеровцы атакуют левый фланг батальона у Каркинитского

залива. Весь батальон стрелял из пулеметов и винтовок. Вражеская пехота залегла. Вперед вышли танки. Приказ комбата старшему лейтенанту Шабанову:

— Готовь, Шабанов, встречу. Бутылки! Гранаты!

Но танки не пошли на передний край. Развернулись веером и стали прямой наводкой выбивать наши пулеметные огневые точки. И взять их нам — нечем!..

Под танковым прикрытием вражеская пехота наступает на седьмую роту, там же и КП нашего батальона. Молчим. Противник буквально уже в трехстах метрах, и тут комбат приказал пулеметчикам: открыть огонь! Стреляли в упор. Немцы опять залегли. А связь порвалась. И с пулеметной ротой тоже нет связи. Два бойца посланы. Убиты на глазах комбата. Шабанов прислал связного доложить, что потеснен первый взвод. Это на правом фланге. Там у соседа, по слухам, уже нехорошо было. Мы слышим — бой за нас уходит. Приказ: «Забросать гранатами!» Комбат перешел в окопы седьмой роты и оттуда руководил боем. Прижимают нас к Каркинитскому заливу...

Лейтенант Кустов докладывает, что осталось 43 человека. А в седьмой роте живых — 67, считая и раненых, но они тоже воюют. Да плюс сам штаб со связными — 16 человек. Комбат сказал:

— Силы мои немалые — сто двадцать шесть человек, три станковых пулемета, минометы и двести гранат... Еще повоюем...

Бой продолжался до часу ночи, когда комбат принял решение прорываться. Немцы атакуют. Кричат: «Рус, сдавайсь!» Их снова забросали гранатами.

Лейтенант Кустов с расчетами вышедших из строя минометов осуществляет прорыв. И сто одиннадцать

человек во главе с нашим капитаном вышли к своим с пулеметами и минометами. Через день они снова были в бою, но уже на другом участке, на северном берегу Чатырлыка».

Так сражались не только бойцы батальона Руденко, но и бойцы многих других батальонов. Примеров такого беззаветного героизма Павел Иванович Батов знал множество. Знал, что майора Семена Петровича Баранова с его танкистами можно посылать в любое пекло, Баранов выполнит задание, никогда не подведет. Знал, что там, где стал со своим 417-м полком полковник Александр Харитонович Юхимчук, ни одного сантиметра земли не будет отдано без схватки не на жизнь, а на смерть. Знал, что 172-я дивизия полковника Ивана Андреевича Ласкина, пока в ней есть хоть один боец, не уйдет со своего рубежа...

Вот как написал он о 172-й и ее командире в книге «В походах и боях»: «Ширина фронта 172-й дивизии достигала... 40 километров, проходя по реке до ее устья и далее по юго-восточному берегу Каркинитского залива. Боевой порядок одноэшелонный, то есть все полки находились в непосредственном соприкосновении с противником. Однако главные усилия дивизии были сосредоточены на правом фланге, на направлении Ишунь — Первомайское. В связи с тем что на этом направлении опасность прорыва была особенно грозной, комдив поставил здесь в оборону свой лучший полк — полковника И. Ф. Устинова. Насколько острые возникали порой положения и какой энергии и искусства требовали они от командиров и политработников, показывает такой эпизод. 22 октября противник в течение всего дня вел наступление на фронте дивизии. Особо яростными были атаки на позиции 514-го полка и на стыке с соседней кавдивизией. Комдив ввел в действие все свои скром-

ные резервы, провел некоторую перегруппировку сил на опасное направление. Казалось, что многократные атаки отбиты. Но вот полковник И. А. Ласкин докладывает:

— Противник вклинился в оборону на соседнем участке, правый фланг моей дивизии оказался открытым и обойденным. Прошу помочь резервами и огнем.

— Готовых резервов у меня под рукой нет,— ответил я.— Имеется лишь одна отдельная рота, только что отобилизованная. Могу послать. Она на подводах прибудет на ваш участок часам к девятнадцати.

Позже полковник Ласкин сказал мне глубоко тронувшие меня как военного специалиста слова:

— Я ту роту принял с надеждой. Обстановка так складывалась, что противник, обходя наш фланг, подставлял и свой. А рота прибыла именно в район этого интересного участка боя.

Вот оно, биение мысли командира!..»

...Мысль командира. Поразительная интуиция, которую обильно питают знания и опыт. Вечная творческая мобилизованность. Умение быстро разобраться в обстановке, сразу принять решение, логичное, твердое. Те, кто воевал рядом с Батовым, учились у него этому — в бою, на рекогносцировках, во время штабных разборов операций.

Тот же Иван Андреевич Ласкин прошел у Батова в Крыму прекрасную школу, приготившуюся ему потом под Севастополем и под Сталинградом. Полковнику, позже генералу Ласкину на всю жизнь запомнились батовские уроки. Приобретенные в то время знания и опыт он использовал и после войны, когда работал преподавателем в Академии Генерального штаба. Павел Иванович покорил совсем не сен-

тиментальную душу боевого командира и как мастер военного дела и как человек. В книге «На пути к перелому» Ласкин душевно, с трогательной теплотой рассказывает о нем: «За короткое время совместного с генералом П. И. Батовым пребывания на фронте я успел уже подметить в нем отдельные черточки характера и стиля работы. Он очень требовательный, волевой командир, но способен выслушать мнение подчиненного, отличное от своего собственного, и согласиться с ним, если получит обоснованные доводы. Однако, если покажешь недостаточно полное знание дела, с просьбой лучше не обращайся и делай только так, как он сказал. А вообще Павел Иванович был очень самостоятелен в оценке обстановки и в принятии решений, и это говорило о его высокой оперативной подготовке и большом боевом опыте...

Как бы ни хотел на войне командир создать для подчиненных выгодное положение, сохранить их жизни, удержать рубеж, нанести уничтожающий удар по врагу, ему далеко не всегда это удастся, особенно в условиях огромного превосходства сил и техники врага.

И все же очень многое зависит от командира. В этом отношении мы высоко ценили мудрость, опыт и распорядительность генерала П. И. Батова. Он всегда умел определить главное, предвидел замысел врага, знал его тактику использования танковых клиньев, тактику клещей. И получалось так, что Манштейну до сих пор ни разу не удалось достичь окружения наших войск, хотя на равнинной местности при наличии подвижных войск и большой массы авиации и артиллерии все условия для этого были. П. И. Батов каждый раз своевременно предпринимал маневры скромными силами на угрожаемых участках...

В Павле Ивановиче мы видели не только большого мастера военного дела, крупного военачальника, но и храброго генерала, часто бывавшего в передовых частях на самых опасных участках боя, под артиллерийско-минометным огнем и под бомбежками. Может быть, именно поэтому его знали не только офицеры, но и многие бойцы. И появлялся он в дивизии и полках не в периоды затишья, а в наиболее ответственные моменты боя.

Нравились мне и прекрасные человеческие качества Павла Ивановича Батова: он не был знаком с унынием, пессимизмом, всегда в нем была какая-то жизнерадостная уверенность в нашей победе.

Было и еще одно важное достоинство у этого человека — он всегда прислушивался к мнению и просьбам подчиненных и стремился всегда помочь им, особенно если они оказывались в тяжелой обстановке».

...Приморская армия на кораблях переправлялась в район Севастополя. Передовые позиции проходили в ста с лишним километрах от него. Манштейн, естественно, торопился, пока Приморская армия в пути, одолеть сопротивление сильно поредевших полков оперативной группы Батова. А у группы оставалась прежняя задача: сопротивляться и наносить врагу урон. И она сопротивлялась, не отдавая фашистам без боя ни клочка крымской земли.

22 октября Ставка произвела перемену в командовании. Вместо Ф. И. Кузнецова командующим 51-й армией назначался генерал-лейтенант Батов. Одновременно его сделали заместителем по сухопутным войскам командующего всеми нашими силами в Крыму вице-адмирала Г. И. Левченко. Прибавилось прав, возможностей оперативнее решать вопросы. Сил же прибавилось чуть-чуть — слишком велики были по-

тери Приморской армии под Одессой. Все же с ее помощью войска Батова какое-то время продолжали сдерживать части Манштейна, выматывая их и уничтожая живую силу и технику.

Генерал-фельдмаршал Манштейн, вспоминая дни сражения в Крыму, обронил в своих мемуарах: «С беспокойством я видел, как падает боеспособность. Ведь дивизии, вынужденные вести это трудное наступление, понесли тяжелые потери еще у Перекопа. 25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе».

Настал критический день. 26 октября фашисты предприняли наступление шестью пехотными дивизиями; больше 100 танков и буквально тучи самолетов поддерживали их атаки. Измотанные, истерзанные за месяц с лишним непрерывных боев, наши войска не в состоянии были остановить такую лавину. Они с боями отходили в степь на неподготовленные рубежи. Обнажился правый фланг. Создалась угроза окружения. Чтобы спасти боеспособные части, Батов повел их на Керченский полуостров. Немецко-фашистские войска заняли Крым.

В декабре 1941 года генерал-лейтенант П. И. Батов докладывал в Ставке итоги Крымского сражения. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин сказал по поводу доклада всего несколько слов: «Нам все понятно. Войска сделали все возможное и нашли в себе мужество держаться в сложной обстановке, как подобает советским людям».

Эти слова подтвердили главное: генерал Батов был готов к суровым испытаниям сорок первого года. Такие военачальники, как он, уберегли армию от разгрома, научили ее бить врага, силой внушая ему, что

на земле, куда он вероломно и самонадеянно ступил, ему не только не видать победы, а и жизни своей не спасти.

Время наступать

Откуда столько снега? Будто на всей земле хозяйничают метели. Сугробы такие, что в них, как в тоннелях, скрываются грузовики, колонны солдат, танки. Лошади выбиваются из сил, без конца буксуют машины... Разве можно по такому бездорожью спешить?! Нельзя. Но нужно! Скоро идти в наступление, а часть дивизий, техники, тылов еще где-то в пути.

Командарм в который раз благодарит судьбу за то, что она послала ему такой штаб. Что бы он делал сегодня без Глебова, Горбина, Липиса, Борисова, Никитина? Горбин взял помощников, «устроился» с ними на самосвале и отправился в путь в надежде пробиться сквозь снежную круговерть и добраться до Алмени, чтобы развернуть там пункт управления. Остальные штабные офицеры на подводах, на лыжах устанавливают связь с находящимися на марше частями.

Сам командарм тоже то на лыжах, то на санях, то на автомобиле пробирается в Алмень: надо собрать воедино огромный армейский механизм, отработать задачи на предстоящую операцию, а прежде познакомиться с прибывающим народом — ведь почти все дивизии новые, и командарм пока не знает, на что они способны. А операция предстоит сложная.

15 февраля 1943 года приказано перейти в наступление войскам Центрального фронта, которому передана после Сталинграда 65-я; он должен вместе с Западным и Брянским фронтами «срезать» Орлов-

ский выступ и разгромить орловскую группировку врага, после чего пробивать себе дорогу к Десне, Сожу, Днепру.

Командующий Центральным фронтом Рокоссовский (Батов был счастлив снова сражаться под его командованием), убедившись, что к 15 февраля фронт не сконцентрирует силы для удара, сумел убедить Ставку в необходимости передвинуть сроки наступления. Ставка прибавила десять дней.

За это время ценой беспримерных усилий командование 65-й армии сосредоточило на отведенном ей участке фронта свои войска, командарм и штаб познакомились с новым командным составом, и Батов выяснил, кому и что можно поручить, с кого и как спросить. Однако твердой уверенности в том, что наступление пойдет успешно, не было. Времени на подготовку операции было очень мало. Необходимых резервов армия не имела, а Батов знал по опыту, что идти в наступление почти без резервов рискованно и ненадежно. В этом он убедился еще в Испании.

Вглядываясь в снежные дали, куда завтра должны совершить бросок его солдаты, Батов ощутил вдруг горячую землю Испании... Гора Ангелов. Огневые позиции мятежников расположены так, чтобы не позволить наступающим вскарабкаться по откосам и ворваться в траншеи у вершины. Люди изнемогают от жары, а надо под огнем врага взбираться на кручи, ползти, бежать, стрелять. Ненависть к врагу, мужество и терпение солдат не дают атаке захлебнуться. Позади первая линия окопов... Еще бросок, и можно выиграть бой... Однако пришлось отойти, так как стало ясно, что стену монастыря, за которой укрепились мятежники, одолеть не под силу. Нет резервов — ни людей, ни оружия, ни боеприпасов.

Противник, опасаясь удара во фланг и последующего окружения, перебросил к горе Ангелов подкрепление и ослабил давление на центральном участке фронта, где в те дни шли бои за Мадрид. Поэтому наступление на гору Ангелов расценивали как успех. Но Батов понимал: имей они необходимые резервы да еще отлаженное управление войсками, успех мог бы обернуться крупным поражением франкистских сил...

...25 февраля начали наступать. Левым флангом 65-я взломала оборону противника; в прорыв вышли кавалерийский корпус генерала В. В. Крюкова и танковая армия генерала А. Г. Родина. Поначалу успех сопутствовал им. Потом гитлеровцы подтянули несколько дивизий и остановили кавалеристов и танкистов. В помощь послать было некого. Наступление 65-й армии застопорилось. Не удалось развить наступление и всему Центральному фронту. Пришлось закрепляться в обороне и довольствоваться тем, что удалось хоть немного помочь войскам Воронежского и Юго-Западного фронтов, против которых гитлеровцы вели очень активные действия.

Оборона. По крайней мере до лета. И как удачно сложились обстоятельства: именно тогда удалось добиться возвращения в армию полковника Радецкого. В разгар боев под Сталинградом начальника политотдела армии Николая Антоновича Радецкого отозвали в Москву. Командарм сокрушался по поводу такого решения. За сравнительно короткий период он оценил качества Радецкого и по-настоящему дорожил им, потому что знал еще со времен знакомства с Савковым, что значит, когда в боевой обстановке рядом с тобой умный и опытный политработник. Их общение с Радецким чем-то напоминало Батову его боевую дружбу с командиром 12-й интернациональ-

ной бригады в Испании генералом Лукачом — Матэ Залкой. Легендарный венгерский коммунист будто магнитом притягивал к себе людей. Покорял его характер, подкупало умение строить отношения с окружающими, восхищала революционная биография. В бригаде Лукача буквально боготворили. Высшей похвалой для Батова были слова бойцов, что он и Лукач дополняют друг друга и это помогает им воевать.

На какое-то время советнику Пабло Фрицу пришлось уехать из 12-й бригады. Он знал, что Лукача расстроил его отъезд, знал, что в штабе бригады в пору его отсутствия, когда возникали критические ситуации, говорили: «Фрица бы сюда! Фриц бы помог!» Скоро ему удалось вернуться в 12-ю. И он искренне радовался тому неподдельному восторгу, с каким встретил его Лукач.

А под Сталинградом настала его очередь провожать человека, чей отъезд ранил его. Он полюбил в Радецком прекрасного человека и прирожденного политработника. Радецкий соответствовал как раз тому представлению о политработнике, какое сложилось у Батова за его командирскую службу, особенно после сотрудничества в Московской Пролетарской дивизии с комиссаром Дружининым. Батов рассуждал так: настоящий политработник умеет не только воспитывать в людях коммунистическую убежденность, но и управлять их настроением, умеет не только ставить перед ними высокие цели, но и добиваться сознательного служения этим целям. Он никогда не уходит от военных вопросов, достаточно компетентен в них и авторитетен. Батову, кроме того, нравилось, что Радецкий делал свое дело «без громких и пышных фраз, естественно, просто. И в большом, и в малом. Бывало, кругом раскипятятся, спор, шум,

но появляется Николай Антонович с его необыкновенным и в то же время по-человечески хорошим спокойствием, товарищи сразу к нему: «Кто из нас прав?» В этом чувствовались уважение и товарищеская теплота, которая на фронте дороже золота, и, кроме того, признание за бригадным комиссаром права вести коллектив. Почему же? Да потому, что он, во-первых, обладал прекрасным даром наводить партийный порядок в чувствах и мыслях людей, а во-вторых, в его натуре гармонично сочетались качества, которые столь необходимы любому бойцу, — смелость и благоразумие».

И вот весной сорок третьего Радецкий возвратился в 65-ю армию членом Военного совета. Как кстати! Высокий политический дух в войсках нужен всегда, а теперь — Батов был убежден, что им предстоит готовиться к новому важному этапу войны, — тем более.

После огромной коллективной творческой работы, проделанной Советским Верховным главнокомандованием, в апреле 1943 года Ставкой было принято решение перейти на Курском выступе к преднамеренной обороне, обескровить противника в оборонительном сражении на заранее подготовленных рубежах, а затем перейти в контрнаступление и окончательно разгромить ударные группировки врага. Перед командующими фронтами и армиями, сосредоточенными на орловско-курском направлении, была поставлена задача укрепить оборону, подготовить войска к отражению наступления врага и к переходу в контрнаступление.

65-й армии досталась полоса обороны шириной почти в 100 километров в северном фесе Курской дуги. Выполняя решение Ставки, укрепили оборону и готовились к будущим боям.

Затишье? Относительное. И лишь между первыми траншеями воюющих сторон. А за нашей первой траншеей и до глубин армейского тыла — кипение драгоценных для будущих побед фронтовых будней.

Командарм со штабом разработали план боевой учебы. Впереди много водных преград. Не научившийся их преодолевать далеко не уйдет. И на маленьких речках полки, батальоны по очереди учатся пользоваться переправочными средствами. Другие неподалеку привыкают «общаться» с танками — командарм, зная о том, что наша армия пополнилась огромным числом танков, предвидит широкое взаимодействие танкистов и пехотинцев в ближайшем будущем. Поэтому в программе дивизий отработка таких задач: наступление с танками в цепи, наступление на броне танков, наступление под прикрытием огня танков...

Это не все. Посоветовавшись с Радецким, Батов дал команду организовать выставку творчества армейских рационализаторов: средства улучшения солдатского быта в землянках, траншеях, на огневых позициях; приспособления для наблюдения за противником и ночной разведки, для маскировки, для транспортировки боеприпасов и продуктов, способы инженерного оборудования местности; средства для усовершенствования приемов стрельбы из разного оружия; приспособления для использования автомашин на железнодорожных путях... У бойцов работает мысль. Значит, армейский организм здоров и готов принять завтрашние требования войны.

Командарм всюду успевал, всем интересовался, советовал, внушал, если надо, подхлестывал. Командиров, политработников засыпал вопросами:

— Как у вас: все побывали на выставке? Про-

верьте. Поинтересуйтесь, есть ли эффект от посещения. Добейтесь, чтоб был!

— У вас не спят в обороне? Шевелите людей. Не допускайте ослабления бдительности. Активизируйте разведку. Выдвигайте боевые охранения ближе к противнику... Чаше меняйте людей на переднем крае...

— Подготовьте армейскую конференцию по опыту медиков в Сталинградской битве. Я приеду — вручу награды... Да, постарайтесь, чтоб в госпиталях была самодеятельность. Концерты очень помогают лечению. Профессиональные артисты в армию придут, вас не забудут, но самодеятельность во что бы то ни стало развивайте. Смотр устроим, чтоб никто в стороне не остался...

День и ночь строили укрепления. Рыли траншеи. Ставили проволочные заграждения, мины. Артиллеристы совершенствовались в противотанковых стрельбах, пехотинцы учились без боязни встречать танки и давать им отпор, используя свое оружие, зенитчики пробовали поражать наземные цели.

Курская битва началась 5 июля. Главный удар вражеских войск в полосе Центрального фронта пришелся по войскам 13-й, левому флангу 48-й и правому флангу 70-й армий. 65-я тоже отбивала настоячивые атаки гитлеровцев, приковав к себе шесть вражеских дивизий. Войска Центрального фронта в ожесточенных боях нанесли огромные потери ударной группировке группы армий Центр, наступавшей с севера, измотали и остановили ее. Было сорвано наступление и другой группировки врага на белгородско-курском направлении. После крупнейшего танкового сражения второй мировой войны в районе Прохоровки противник вынужден был перейти к обороне.

12 июля наши войска перешли в наступление. Вместе со всеми наступала и 65-я армия. Теперь пригодилось все, чему так настойчиво учились в обороне. Солдат готовили к наступательным боям продуманно и с предельными нагрузками. Подготовили отменно. Теперь очень и очень многое зависело от их командиров. Именно сейчас проходили суровую школу новые командиры корпусов (в стрелковых войсках были восстановлены эти формирования) и дивизий, пришедшие в 65-ю уже после Сталинградской битвы.

П. И. Батов старался не упускать из поля зрения новых соратников, помогал им советами, замечаниями, если была возможность, проводил с ними учебу.

В бою за Дмитровск-Орловский отличился 18-й стрелковый корпус.

Он начал наступать 149-й дивизией на правом фланге. Как только бойцы ворвались в первую траншею противника, слева ринулась вперед 37-я гвардейская дивизия и с ней танковый полк. Прошли сквозь немецкую оборону примерно пять километров, заняли несколько высот, закрепились на них. А ночью командир корпуса Иванов рискнул снять с левого фланга, оставив небольшие заслоны, 246-ю дивизию и послать ее в тыл Дмитровск-Орловского узла сопротивления гитлеровцев, чтобы отрезать им дорогу на запад. 12 августа 18-й корпус очистил город. Рокоссовский не упустил случая похвалить его и тут же посоветовал Батову:

— Разберите с людьми операцию. Пока есть время, тренируйте корпусные штабы. Организация молодая, а впереди трудные дела. Наступательные возможности немцы после Курска исчерпали. Теперь они не кричат: «Зима ваша, лето наше...» — но в обороне они еще себя покажут.

Батов тоже был доволен действиями 18-го корпуса и его командира. Ему нравился генерал-майор И. И. Иванов. Питерский рабочий в прошлом, участник революции в Петрограде, кадровый военный с академическим образованием, он сразу располагал к себе людей смелостью, жизнелюбием, щеголеватостью, совсем не лишней на фронте. Батов ценил в нем ум, военную грамотность и исключительную находчивость. Однако командарм не одобрял горячность Иванова, особенно опасную в сложных ситуациях; излишнюю самоуверенность, мешавшую порой устанавливать правильные отношения со штабом, с комдивами. То поощряя, то сдерживая, то приструнивая командира корпуса, командарм старался создать в корпусе у Иванова такую обстановку, чтобы и он, и его комдивы могли проявить свои лучшие качества, полностью раскрыть свои способности. Павел Иванович сумел, например, вовремя подметить нелады во взаимоотношениях комкора Иванова и командира 69-й дивизии полковника Кузовкова. Он помог им избежать конфликта и найти путь к взаимопониманию.

К новому комдиву Ивану Александровичу Кузовкову Батов почувствовал расположение еще тогда, когда узнал, с какой настойчивостью он одолел препятствия, вставшие на пути дивизии к фронту. Какой-то «мудрец» из Управления военных сообщений потребовал выгрузить 69-ю дивизию из эшелонов около Ефремова, личный состав и материальную часть отправить дальше на автомашинах, но только до Ельца, а лошадей — своим ходом в Ливны. Комдив добился в штабе фронта, чтобы дивизию не расчленяли. Похвальным считал он и стремление командира 69-й дивизии держать личный состав в постоянной боевой готовности: занятия военным делом проводи-

лись даже в пути. Все это вселяло уверенность, что 69-я и ее командир удачно впишутся в армейский коллектив.

На заре командирской юности курсант кремлевской школы имени ВЦИК, кадровый офицер, прошедший горнило сорок первого года, Кузовков пришелся по душе командарму и творческим отношением к делу. Есть законы военного искусства, есть обоснованные теоретиками и подтвержденные практиками концепции, но нет мертвых схем, нет шаблона для гибкого и смелого ума. Так считал Батов. Он убедился, что так же мыслит и Кузовков.

Творчески подошел Кузовков к разработке плана действий своей дивизии в операции по взятию Севска, которую предстояло осуществить 18-му корпусу Иванова. Гитлеровцы использовали выгодное для обороны положение города, насытили огневыми средствами все высоты, все населенные пункты вокруг. Нашим войскам мешала заболоченная пойма Сева, труднопреодолимая и открытая противнику на протяжении более двух километров. 69-я дивизия по плану должна была переправляться правее Севска, напротив деревни Стрелецкое. Наступающим грозил огонь с двух сторон — из монастыря на холме неподалеку от города и с высоты от деревни Ямское. Вдобавок у Кузовкова был открытым левый фланг. Есть от чего испытывать тревогу за успех операции. А полковник Кузовков уверенно доложил при отработке плана в штабе армии, что по его замыслу атакующие преодолеют пойму реки за сорок пять минут артиллерийской подготовки, затем форсируют реку и броском овладеют деревней Стрелецкое. Появились сомнения: такую пойму преодолеть за такой срок?! Среди сомневающихся был и командир корпуса.

Комдив пояснил:

— Мы провели разведку, приготовили гати, маты из хвороста, люди тренировались. Если артиллерия и авиация в течение сорока пяти минут не дадут немцам вести огонь, мы все сделаем, как задумано.

Батов уловил в замысле полковника как раз то, чем особенно дорожил в командирах,— точно рассчитанную дерзость. Почему же Иванов, сам очень любивший дерзкий и стремительный маневр, не оценил замысла комдива? По-видимому, ему помешало предвзятое отношение к Кузовкову. Командарм поддержал Кузовкова, уверенный в точности его расчетов. Поддержал и потому, что хотел показать Иванову его неправоту.

Все удалось блестяще. Артподготовка еще не окончилась, а бойцы Кузовкова уже вышли к реке, быстро переправились, используя хитро устроенную дымовую завесу, выбили противника из Стрелецкого и создали угрозу захода в тыл частям противника, оборонявшимся в городе.

Командарм быстро осмыслил ход событий и понял, что из успеха 69-й дивизии можно извлечь выгоду для всей армии. Он приказал пустить по переправам Кузовкова 60-ю дивизию, потом 37-ю гвардейскую. Плацдарм на западном берегу Сева расширили, закрепили. Командующий фронтом ввел в прорыв на этом участке 2-ю танковую армию.

Удался и психологический урок Батова. Отношения комкора и комдива с того дня стали доброжелательнее. Позже между ними завязалась дружба.

...Противоположный берег Днепра вызывающе крут. И враг крепко-накрепко уцепился за эту крутизну, потому что тут один из его последних надежных оборонительных рубежей на советской земле. И фюрер требует любой ценой удержать позиции на

Днепре. Там, на высоком противоположном берегу, — мощная, умело организованная система огневых точек, оборудованные по всем правилам инженерные укрепления, надежное тыловое обеспечение. И все продумано, нацелено на беззащитную реку, которая загорится, закипит, как только обнаружится попытка отвоевать эти неприступные позиции.

А нашим войскам приказано форсировать Днепр. И надо думать о том, как совершить этот бросок, позаботиться об организованности движения, о надежности огневого прикрытия, о выборе мест, где целесообразнее всего переправляться. Командование фронтом решило перебросить почти всю 65-ю армию из междуречья Сожа и Днепра вниз, в район Лоева — Радуля, чтобы она с ходу форсировала Днепр, причем на участке, где уже пыталась и не смогла переправиться 61-я армия.

Рокоссовский дал на подготовку операции шесть суток. Что такое шесть суток, когда столько нужно успеть! Перебросить на новый участок два корпуса, обеспечить переправочными средствами десанты, разведать систему огня на том берегу, спланировать артиллерийскую и авиационную поддержку... Вот тут 65-я снова показала, на что она способна.

То было настоящее боевое творчество. А проявлялось оно везде, начиная со штаба армии. Иван Семенович Глебов и на сей раз проявил редкую способность увидеть предстоящую операцию в целом и деталях, прочувствовать ее динамику, приготовить набор «тактических ключей», предусмотреть возможные действия противника и представил командарму обоснованный, предельно четкий план. Было в плане интересное новшество. Глебов предложил провести при форсировании две артподготовки. Замысел выглядел так: первый эшелон десанта отплывает и

на две первые траншеи противника в пойме обрушивается вся артиллерия, потом орудия с закрытых позиций бьют по огневым средствам в глубине обороны врага, а десант сопровождают огнем орудия, поставленные на прямую наводку; с подходом десанта к обрыву, где у гитлеровцев находится главная оборонительная позиция, начинается вторая артподготовка. Эта идея была выношена, разработана и обоснована начальником штаба, по профессии артиллеристом. Командующий артиллерией фронта Василий Иванович Казаков утвердил план: при такой, как на Днестре, насыщенности вражеской обороны десанты только и могли рассчитывать на успех при самой мощной обработке огнем всей глубины вражеской обороны, всех ее участков, узлов.

Штабы корпусов, дивизий разработали схемы использования сил при форсировании: сколько подразделений идет в первый десант, сколько — следом, как переправляется техника, как обеспечивается связь с высадившимися на другом берегу частями, с соседями...

Под руководством армейского инженера Павла Васильевича Швыдкого — одного из тех, в кого Батов верил как в самого себя — саперы совершили настоящий подвиг: мост протяженностью 400 с лишним метров под грузы до 60 тонн изготовили в сказочно короткий срок — за день до форсирования реки детали моста уже ждали перевозки в прибрежных лесах. Когда десанты овладели поймой и второй траншеей врага, саперы Швыдкого стали ставить мост сразу с обоих берегов. И поставили за сутки! Под бомбами, под артиллерийским обстрелом... В Москве не поверили, специально прислали инженера, чтобы разобрался в этом деле. А по мосту на плацдарм за Днестром уже переправлялась техника...

Но это было позже. А пока саперы готовили лодки, им помогали рыбаки, плотники, лесоплавщики — крестьяне приднепровских деревень; поблизости на озерах тренировались гребцы, учились плавать, собирали паромы, отрабатывали погрузку на них орудий. Чтобы, когда выйдут на Днепр, не терять ни минуты, потому что усвоили уже, что терять минуты — значит терять темп, терять людей, терять уверенность в успехе.

Радецкий позаботился о политическом обеспечении операции — в частях проводили партийные собрания, беседы с новобранцами. На некоторых собраниях побывал и командующий. Коммунист Батов призывал бойцов оправдать доверие партии, честно выполнить свой солдатский долг.

...15 октября 1943 года при поддержке артиллерии началось форсирование. Батов держал в руках управление всем напрягшимся до предела армейским организмом. И впервые после Сталинграда несколько раз мысленно повторил: как трудно успешно наступать! Обороняться в Крыму было невыносимо тяжело, но наступать на сильного врага нисколько не легче.

Через годы он воскресил яркие эпизоды сражения за Днепр: «Все лодки батальона Кулешова почти одновременно подошли к берегу. Первыми вступили на правый берег разведчики сержанта П. М. Пахомова из разведроты дивизии (Петр Михайлович Пахомов был удостоен за этот подвиг звания Героя Советского Союза). Десант высадился, с ходу атаковал немецкое боевое охранение, выбил из траншеи и начал продвигаться к прибрежным высотам. А реку уже пересекали лодки второй очереди. Командир дивизии спешил, пока еще не совсем рассвело, нарастить силы, борющиеся за плацдарм. С высоты Шит-

цов противник вот-вот начнет прицельную стрельбу по реке, и тогда переправляться будет сложно.

...Бой за рекой разгорался. Отчаянно жестокий, как это бывает при десантах. Пройдет некоторое время, и на плацдарме войдут в силу законы организации и управления. Появятся опергруппы, а затем и штабы соединений. Перебросится артиллерия... Но в первые часы после высадки все решают доблесть и мастерство тех немногих людей, которые зацепились за берег.

— Кузовков, кто у тебя уже на той стороне?

— Два батальона сто двадцатого и до роты триста третьего. Держатся с трудом. Шитцы давят огнем.

— Как Кулешов?

— Он молодец. Уже углубился на полкилометра от реки.

— Радиосвязь есть?

— На реке была, сейчас прекратилась. Что-то у них там случилось. Тянем через реку провод.

— В Кулешова верю. Он удержится».

«В Кулешова верю...» Эта вера в людей — в командиров корпусов, дивизий, полков, батальонов — очень помогала ему командовать армией. Так же как им помогала вера в него. Они всегда знали: он близко, он в курсе всех событий, наблюдает за их действиями, направляет их, если нужно, тут же вмешается, повлияет на ход боя.

Николай Михайлович Горбин вспоминал, что командарм перед днепровской операцией высказал пожелание (приказывал категорически он только тогда, когда в том была необходимость):

— Хорошо бы мне иметь связь непосредственно с передовыми отрядами, батальонами, полками — напрямую!

Такую связь ему обеспечили, хотя, правда, в огне она порой нарушалась. С ее помощью он лучше ощущал дыхание своих солдат. А это входило в число главных требований его полководческого кодекса, которого он придерживался на войне сам и который всячески старался сделать обязательным для всех командиров.

В последнюю перед форсированием Днепра ночь, когда по традиции вспоминали Сталинград, Курскую дугу и еще раз перебирали, все ли готово для высадки на тот берег, командарм обратился к члену Военного совета Радецкому:

— Николай Антонович, помогите через политработников выявить первых героев... Безвестных остаться не должно!

Наступали перед большими боями минуты, когда сложное нагромождение забот, как будто полностью владевших мыслями командарма, вдруг отодвигалось и уступало место мыслям о солдате, о его долге, судьбе. Некоторым из окружавших Батова людей казалось не очень гуманным его убеждение в том, что солдата не нужно жалеть, о нем нужно заботиться. А Батов за пройденные войны убедился, что жалость солдату не нужна, нужно внимание к нему, забота о его фронтовом быте, старание понять его душу и откликнуться на любой ее патриотический порыв, откликнуться письмом в солдатский дом, ободряющим словом перед атакой, наградой за ратное усердие. Потому что не понять душу солдата — значит не понять войны. А как тогда воевать? Потому и политработникам Павел Иванович всегда напоминал (хотя знал, что Радецкий понимает это так же, как и он), чтобы ни один отличившийся в бою солдат не остался не отмеченным. Батов не забывал при случае напомнить об этом и командирам.

Так во время форсирования Днепра у Батова состоялся разговор с командиром 27-го корпуса Ф. М. Черокмановым. Возбужденный успехом, командир принялся хвалить бойцов 170-го саперного батальона:

— Каждому надо дать Героя. За два часа в полном составе стрелковый батальон переправили.

— Кто особенно успешно действовал?

— Взвод лейтенанта Швеца.

— Пришли его ко мне на НП в тринадцать ноль-ноль!

— Пришлю, товарищ командующий, если жив будет. Сейчас канат через реку перетягивают. Огня там хватает...

«Василий Швец,— пишет Батов в мемуарах,— прибыл на армейский НП, как было приказано, в 13.00, когда движение через реку прекратили во избежание неоправданных потерь. Это был крепкий, среднего роста молодой офицер, видно, недюжинной физической силы. Командир 14-й инженерно-саперной бригады подполковник М. М. Виньков представил его:

— Наш первый кандидат на звание Героя!

— Генерал Черокманов лестно отзывается о вашем взводе, товарищ лейтенант. Доложите, как действовали.

— Взвод задачу выполнил, товарищ командующий. За два часа на тот берег доставлен стрелковый батальон сто девяносто третьей дивизии.

— Кто особо отличился?

— Старшие десантных лодок сержант Рогозин, ефрейтор Макаров, рядовые Власов и Кононенко, еще сержант Тарасенко...

...Скованность у лейтенанта прошла, и он докладывал свободно, отдаваясь живому впечатлению

недавнего боя. С каждым словом доклада на фоне героических действий саперного взвода все ярче обрисовывалась одна фигура — сержанта Рогозина. Он первым доплыл до берега. В траншее схватился с немцами врукопашную. Швец говорил, что видел, как к сержанту бросилось несколько немецких солдат. Он исчез в куче борющихся тел, но вот поднялся, действуя автоматом как дубиной.

После боя за первую траншею Швец отозвал всех своих людей на берег. Стрелки дрались во второй траншее, но саперы должны были делать свое дело. Часть их обезвреживала мины. Другие повели лодки обратно. Отделение Рогозина погрузило раненых и второй раз пересекло Днепр, лавируя между разрывами снарядов, пулеметными трассами с острова Ховренков.

Правее, непосредственно против Каменки, десантная переправа не удалась. Почти вся передовая группа была расстреляна из автоматов и пулеметов. Все лодки оттуда перебросили на переправу Швца. В третий раз Рогозин повез солдат через реку, снова вернулся с ранеными. Прибежал капитан Нилов. Взвод саперов получил новую задачу: паром на веслах движется медленно, нужно перетянуть канат — быстрее, десантники ждут пушки. Швец оглянулся, прикидывая, кто способен на это... «Перетянем!» — ответил на взгляд командира Рогозин. Лодка пошла. Со ста метров вернулась: канат перебило осколком. Потянули запасной. На середине Днепра снаряд разорвался очень близко. Семеро саперов убито. Рогозин ранен. Лицо — кровавая маска. Выбит глаз. Но он командует теми, кто остался в живых. Полкилометра каната при быстром течении — это тяжесть. Берег уже близко, но стрела выгиба большая. Не хватает. Саперы со своим командиром прыгнули в воду,

с помощью подоспевших стрелков дотянули канат и закрепили. Рогозин приказал грузить раненых.

— На обратный путь у него уже не хватило сил,— говорил В. В. Шве́ц.— В лодке потерял сознание. В беспамятстве был доставлен в госпиталь».

...В полдень командарму доложили, что в 193-й дивизии А. Г. Фроленкова за первым эшелоном уже переправляется второй, на западном берегу ведут бой еще два батальона 685-го полка, полковая артиллерия уже за Днепром. По темпам и бесстрашию 193-й не уступает 106-я дивизия полковника М. М. Власова.

К утру следующего дня разведчики Кузовкова отбили у немцев Шитцы, душившие огнем десантников. К 17 октября за Днепром был почти весь корпус Черокманова, в тот же день его части освободили Лоев... За пять дней вся армия переправилась через Днепр. Ее плацдарм на правом берегу охватил примерно 18 километров по фронту и 13 в глубину.

Бессмертный, массовый, поистине народный подвиг! Генерал Черокманов и сержант Рогозин, ефрейтор Колодий и полковник Власов, генерал Фроленков, капитан Кулешов, лейтенант Шве́ц и полковник Кузовков, рядовой Воликов, генерал Иванов, подполковник Малоног, майор Бахметьев, сержант Пахомов, подполковник Сидоров, майор Сорокин, капитан Шевелев, сержант Воронин, старший лейтенант Бутылкин и многие другие бойцы и командиры 65-й армии сказочными богатырями вышли на правый берег Днепра. 183 стали Героями Советского Союза. И командарм Павел Иванович Батов среди них.

На любовно вспаханном, обласканном тишиной и теплыми дождями поле неподалеку от Паричей — островок войны: ржавая колючая проволока, несколько шагов осевшей с годами траншеи, остатки блиндажа. Люди сохранили этот островок в память о том лете 1944 года, когда здесь бушевало сражение, блистательно завершившее освобождение пострадавшей в оккупации Белоруссии и обеспечившее нашим армиям выход на главное направление завершающего этапа войны — берлинское.

Как раз из-под Паричей наступала в то лето 65-я армия. Сюда привели ее нелегкие дороги. Позади остались форсирование Днепра и прорыв надвинских позиций. Осенние дни 1943 года стали знаменательными для 65-й. Фронтовое командование возложило на нее задачу нанести главный удар по позициям немецко-фашистских войск в Полесье, лишить важных коммуникаций гомельскую группировку врага и создать для нее угрозу окружения. Рокоссовский принял смелое и очень редкое в боевой практике решение — отдать все фронтовые резервы в одну армию и там ввести их в действие. 65-я, как выразился командарм, разбухла до восьми корпусов. Собрать, сжать в кулак, нацелить такую массу танков, артиллерии, конницы, пехоты и ударить по врагу... Тут нужны были высокоорганизованный штабной организм, безупречно отработанная система управления во всех звеньях, уверенность в каждом, кто отвечал за взаимодействие, за связь, тылы.

Командующий фронтом не ошибся. Армия справилась, хотя ей пришлось нелегко, — гитлеровцы, обороняясь, нанесли сильные танковые контрудары,

заставившие местами попятиться. Однако в конечном итоге цель оказалась достигнутой: гомельская группировка врага потеряла полесскую опору и, чтобы не попасть в петлю, вынуждена была отступить. В конце 1943 года общими усилиями с 48-й армией 65-я освободила Речицу, отбила у гитлеровцев Василичи, а в январе нового, 1944 года и Калинковичи. Под Паричами армия стала в оборону.

...Летний рассвет застал командарма на ногах. Отдыхал последнее время урывками, никак не укладывался в те графики, которые сам для себя составлял и сам же чуть ли не каждый день уплотнял. Готовилось большое наступление, и большие заботы ходили за командармом по пятам. В тот день срочные дела пришлось временно отложить, на армейский командный пункт приехали Жуков и Рокоссовский. Скорее всего на рекогносцировку. Если так, не исключено, что 65-й поручат наносить главный удар. Тогда Батов изложит свой план прорыва вражеской обороны, и возможно, он совпадет с замыслом представителя Ставки и командующего фронтом... Этот план армейский штаб вынашивал уже довольно долго, и Батов не сомневался, что, действуя по нему, 65-я обеспечит успешное развитие фронтовой операции, от чего будет зависеть во многом успех всего летнего наступления в Белоруссии.

Наступление готовилось грандиозное. Четырем фронтам предстояло сокрушить вражеские оборонительные линии, взломать глубокие оперативные построения немецко-фашистских войск, ликвидировать одну из главных группировок, прикрывающих берлинское направление, очистить от оккупантов Белоруссию и выйти на позиции, гарантирующие стратегический успех Советской Армии на завершающем этапе войны. О размахе операции можно судить хо-

тя бы по таким цифрам. К ее началу войскам надлежало получить из тыла 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража. Операция получила кодовое название «Багратион».

Масштаб операции, колоссально выросшая техническая оснащенность армии требовали совсем иной, чем прежде, зрелости от военачальников. Батов не испытывал сомнений насчет готовности своей армии участвовать в операции «Багратион». Он искал вместе со штабом самое верное решение, пусть трудное для наступающих, но неожиданное и поэтому проигрышное для противника. Его подсказали местность, по которой проходил фронт, и построение немецкой обороны применительно к ней.

Глухие, топкие болота засосали здешние леса, подползли к сырым лугам, редким полям и деревьям, державшимся за неширокие песчаные взгорки; «болотный пейзаж» дополняли бесчисленные маленькие речушки и каналы. Вот и развернись тут с техникой! А если попытаться все же использовать технику и ошеломить противника, который счел бы диким даже предположение о возможности использования танков, самоходок, тяжелых орудий с лесных, зыбких плацдармов? Эта идея утвердилась в мыслях командарма, когда он в корпусе И. И. Иванова узнал от солдата, который был родом из здешних мест, о мокроступах. Оказывается, тут издавна приспособились плести из лозы нечто вроде лыж, чтобы передвигаться по болотам — осоки накосить, ягод набрать... Солдат взялся сделать мокроступы. Комкора Иванова это открытие обрадовало. Окажется реальным вариант с «форсированием болот», его корпус может получить при прорыве ударное направление. А генералу было не безразлично, каким идти

в наступление — первым или вторым. Он приказал солдату несколько пар мокроступов, а потом пригласил командарма посмотреть их «на ходу». Армейский инженер Швыдкой тут же развил идею: там, где пройдут люди, у специалистов хватит смекалки и знаний переправить и технику. Так постепенно оформлялся интересный, сулящий заманчивые перспективы замысел.

К тому времени, когда в армию наведались Жуков и Рокоссовский, идея уже получила техническое обоснование и претворялась в жизнь. По дороге на передовую Рокоссовский поинтересовался: почему командарм проводит много времени в частях, расположенных на «мокрых» позициях. Тогда командарм поделился замыслом: конечно, наступать из района Паричей по всем статьям сподручней — и технике удобнее двигаться посуху, и пехоте лучше, когда твердая почва под ногами. Это аксиома. Но не для нас одних, для противника — тоже. Недаром под Паричами каждая высотка огневыми точками наспигована, заминирована, колючей проволокой каждый метр земли опутан... Болота же на картах обозначены непроходимыми. Там у немцев лишь отдельные узлы сопротивления; так что, одолел болота, и считай — на оперативный простор вырвался.

— А как одолеешь?

Батов рассказал, что инженеры, промерив глубину болот, уже наметили танковые маршруты, колонные пути, саперы готовят гати (Швыдкой взялся сооружать то, что не предусматривалось никакими наставлениями по инженерной службе). Потом представитель Ставки и командующий фронтом проехали на танкодром, посмотрели, как тренируются танкисты.

Командующий фронтом утвердил план армейской операции. Как обычно, штаб организовал ее проиг-

рыш на макете. Маршал Жуков распорядился подготовить два варианта ввода в прорыв 1-го Донского гвардейского танкового корпуса М. Ф. Панова. Корпусу предстояло сыграть очень важную роль в развитии наступления войск фронта. От Паричей путь танкистов Панова лежал на Бобруйск, где вместе с войсками, наступающими от Рогачева, танкисты должны были замкнуть кольцо окружения бобруйской группировки гитлеровцев. Ускоренный вариант имел в виду ввод подвижной группы не на восьмые сутки, как обычно практиковалось в подобных операциях, а самое позднее — на шестые. Какой из вариантов осуществится, зависело в основном от армии Батова — от того, как быстро и как глубоко прорвет она оборону врага. Батов и Панов могли положиться друг на друга. 1-й гвардейский Донской танковый корпус шел с 65-й от Днепра. И у командарма с командиром корпуса сложилось такое взаимопонимание, когда один не только сразу улавливает идею другого, но и продолжает и развивает ее и тут же предлагает способы осуществления.

Как и в Крыму, и под Сталинградом, и под Курском, и на Днепре, Батов нисколько не сомневался, что успех операции в конечном счете обеспечат люди. Его радовало, когда он наблюдал, как скрупулезно отрабатывает со своими танкистами все детали предстоящего рейда на Бобруйск Михаил Федорович Панов, как изобретательно действуют под руководством Павла Васильевича Швыдкого двужильные саперы, как — в который уже раз! — уточняют задачи частям первого эшелона командиры корпусов Иван Иванович Иванов и Дмитрий Федорович Алексеев... 65-я готова наступать!

...Утро 24 июня. До начала артподготовки считанные минуты. Командарм на пункте управления с опе-

ратором, связистами, разведчиками, представителями соединений и частей, взаимодействующих с армией. Скорее бы залпы и возбуждающее и в то же время успокаивающее движение вперед той огромной массы людей, которую он, командующий, должен безошибочно привести на очередной победный рубеж. Сколько уже раз он точно так же следил за минутной и секундной стрелками часов в ожидании начала наступления. Казалось, пора бы привыкнуть, ждать спокойно. Ничего подобного! Всякий раз приходится подавлять в себе какое-то лейтенантское волнение, прятать от окружающих непривычно сковывающую напряженность. С первыми залпами это проходит, начинается работа, поглощающая все,— энергию мысли, внимание, волю... Что-то очень медленно движутся стрелки часов... И утро заметно свежее вчерашнего... Еще один круг по циферблату, и прогремит первый залп.

Пошли!

— Швыдкого!

— Швыдкой у аппарата!

Командарм просит доложить, как прокладываются пути: от саперов сейчас зависит едва ли не все развитие операции.

— Напоминаю еще раз: вы обеспечиваете темп!

Гитлеровское командование явно не рассчитывало на такое «истолкование» военного искусства русскими. Оно ожидало удара под Паричами и там сосредоточило все резервы, там связало тактические нити обороны в такой узел, который нелегко было бы разорвать. А советские войска под Паричами лишь инсценировали прорыв. Вся продуманная стройность немецкой обороны нарушилась. В лучшем случае фашисты могли попытаться задержать на какое-то время лавину наступающих. Остановить — нет.

«Буря! Пять, пять, пять!» — сигнал Панову. Наконец-то выпущены на волю ждавшие этого сигнала танки. Молодцы, саперы! Их рукотворное чудо ни на час не задержало темп наступления. Армия повела его по ускоренному варианту.

«Наиболее успешно — и, можно сказать, красиво — развивалось наступление в полосе 65-й армии, — так оценил начало фронтовой операции Рокоссовский. — При поддержке авиации 18-й стрелковый корпус в первой половине дня прорвал все пять линий траншей противника, к середине дня углубился на 5—6 километров, овладев сильными опорными пунктами Раковичи и Петровичи. Это позволило генералу П. И. Батову ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М. Ф. Панова, который стремительно двинулся в тыл паричской группировке немецких войск. Используя успех танкистов, пехота 65-й армии к исходу дня заняла рубеж Грачи, Гомза, Секиричи...

Таким образом, в результате первого дня южная ударная группа прорвала оборону противника на фронте до 30 километров и в глубину от 5 до 10 километров. Танкисты углубили прорыв до 20 километров (район Кнышевичи, Романище). Создалась благоприятная обстановка, которую мы использовали на второй день для ввода в сражение на стыке 65-й и 28-й армий конно-механизированной группы генерала И. А. Плиева. Она продвинулась к реке Птичь западнее Глуска, местами форсировала ее. Противник начал отход на север и северо-запад.

Теперь — все силы на быстрое продвижение к Бобруйску!»

У Батова были все основания торжествовать по поводу блистательного начала операции. И, естественно, в первую очередь по поводу того, как действо-

вали его бойцы. Дивизии 18-го стрелкового корпуса за три часа наступления преодолели почти девять километров укрепленной полосы. Командарм еще раз убедился в том, что Иванов умеет добиваться от подчиненных полной отдачи бою, разжигать в них нетерпеливое желание ошеломить врага храбростью, неудержимостью, хитростью; тонко ощущает все перипетии схватки и быстро находит самое выгодное ей продолжение; проявляет мужество и хладнокровие.

И это было одним из самых важных для него моральных итогов первых дней операции. Не зря он уделял Иванову столько внимания, старался воздействовать на него, используя педагогический опыт, приобретенный за десятилетия командирской службы. Тогда, под Севском, командарм подчеркнуто поддержал Кузовкова, чтобы дать понять Иванову: авторитетом старшего военачальника нельзя давить, если верное решение младшего не совпадает с твоим. Урок пошел комкору на пользу. Несколько раз Батов жестко, но спокойно объяснял ему, что практика комкора игнорировать штаб («оператор, радист и разведчик — больше мне никто не нужен», — не один раз заявлял во всеуслышание Иванов) мешает ему же самому, и при всяком удобном случае подчеркивал, как много для него, командарма, значит начальник штаба армии Глебов.

Теперь, в Белорусской операции, наблюдая за действиями 18-го корпуса в районе Паричей, под Осиповичами, Батов мог убедиться, что его педагогические усилия не пропали даром: к замечательным качествам Иванова прибавились черточки собранности, культуры взаимоотношений со штабом, умение гасить в себе излишнюю самонадеянность.

Много позже, оценивая личность Константина Константиновича Рокоссовского, Павел Иванович Ба-

тов написал: «Одно из обязательных качеств, каким должен обладать полководец,— умение подобрать и воспитать кадры, особенно кадры своих ближайших соратников и помощников. Они, если хотите, должны быть чем-то похожи на самого полководца, быть достойны работать рядом с ним, иметь моральное право говорить, принимать решения и действовать от его имени. Нелегкое это дело!»

То же самое правомерно сказать и о Батове. На примере с Ивановым особенно ощутимо его драгоценное мастерство воспитателя. В этом также проявилась зрелость полководца...

...Рывок 65-й армии к Бобруйску переполошил гитлеровцев. Чтобы спасти положение, они бросили из-под Паричей навстречу 18-му корпусу танки, артиллерию, мотострелковые части. 105-й корпус генерала Алексеева не дал немцам остановить Иванова. Больше того, Алексеев осуществил остроумный маневр подвижными частями, и паричская группировка противника оказалась в западне. Тем временем командарм распорядился посадить на машины две стрелковые дивизии и перебросить их под Бобруйск, где уже дрались танкисты Панова. Спустя трое суток после начала наступления Бобруйск оказался в кольце. (А Ставка планировала окружение бобруйской группировки на восьмые сутки.)

29 июня пришло донесение генерала Алексеева: «Бобруйск очищен от противника. В городе и окрестностях всего за время боев уничтожено до 17 тысяч вражеских солдат и офицеров. Сегодня взято в плен 10 тысяч. Трофеи: свыше 400 орудий, 60 танков, более 500 автомашин, много складов с военным имуществом и боеприпасами...»

Чуть раньше Иванов доложил из Осиповичей (его дивизии продолжали двигаться на запад), что захва-

чено 20 артиллерийских складов, 11 эшелонов, груженных боеприпасами, техникой, военным имуществом, продовольствием...

Взломанная на всю глубину и рассеченная мощными ударами немецкая оборона рушилась, гитлеровцы не могли оказать организованного сопротивления и сдавали позицию за позицией. В окружение попала 9-я, а вслед за ней 4-я армия фашистов. Командование 1-го Белорусского фронта часть сил правого крыла нацелило на Минск, остальные — к границам Польши. 8 июля 65-я армия во взаимодействии с 48-й и 28-й освободила Барановичи, 21 июля передовые подразделения 69-й стрелковой дивизии вышли к государственной границе СССР.

...Разгром немецкой группы армий «Центр» в летней кампании 1944 года значил очень много. Была решена важная стратегическая задача — линия фронта на западном стратегическом направлении передвинулась с востока на расстояние до 600 километров. Кроме того, операция «Багратион» стала триумфом поднявшегося на новую ступень советского военного искусства.

«В Белорусской операции,— резюмировал маршал Советского Союза Г. К. Жуков,— наиболее полно проявилось выработанное у советского командования всех степеней умение быстро окружать и уничтожать крупные группировки войск противника. Это искусство командования, мастерство и смелость войск привели к краху самой сильной немецкой группировки на берлинском стратегическом направлении».

Успехи 65-й армии в Белоруссии несколько раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего; командующий фронтом Рокоссовский давал действиям армии самую высокую оценку. Батов, само собой разумеется, принимал эти похвалы как по-

хвалы своим солдатам и командирам. Как они выросли за эти несколько недель! Иванов, Алексеев, принявший корпус как раз перед началом операции «Багратион» и командовавший им с той же уверенностью образованного и талантливое военачальника, с какой командовал не раз отличавшейся 354-й дивизией; Швыдкой, с его сказочной изобретательностью и не поддающимся измерению трудолюбием, Горбин...

Николая Михайловича Горбина Батов любил особой любовью. В армии нужны лихие, отчаянные люди вроде командира 120-го стрелкового полка Бахметьева, нужны мудрецы глебовского склада, неистощимые умельцы типа Швыдкого, но армии не обойтись без таких, как главный оператор штаба Липис, начальник связи Борисов, заместитель начальника штаба Горбин,— штабных тружеников, делающих не очень заметную и в то же время необходимейшую работу, обеспечивающих успех наступления, перегруппировок, маршей. Николай Михайлович Горбин, как правило, сам организовывал временные пункты управления войсками; и Батов был спокоен, если знал, что Горбин на ВПУ — значит, все происходящее перед фронтом армии будет оперативно осмыслено и спрессовано в исчерпывающую информацию для командарма и штаба, значит, командарму будут созданы хорошие условия для организации боя, для управления войсками. Но у идеального штабного работника Горбина была одна «слабость» — ему очень хотелось принимать непосредственное участие в боях. Проситься у Батова не было смысла: он знал, что командарм не отпустит его. Дисциплинированность, воспитанная в Горбине пограничной службой, нарушать порядок не позволяла. Впрочем, один раз он «сорвался».

Это случилось еще во время форсирования Днепра. Кто не рвался тогда на западный берег! Горбин сказал командарму, что хотел бы пойти с одним из передовых отрядов.

— Не разрешаю,— отрезал Батов.— Находиться у пульта управления боем—это тоже подвиг и не меньший, чем идти с первым десантом.

Горбин понимал, что командарм просто-напросто утешает его. 20 октября, когда плацдарм расширили до 18 километров по фронту и до 13-ти—в глубину, на правый берег перебазировался первый эшелон полевого управления армии. Горбин не выдержал, дал команду свернуть передовой пункт управления и переправился на плацдарм. Батов тут же, естественно, узнал об этом и приказал Глебову:

— Дайте взбучку Горбину, чтобы не самовольничал.

А Глебов и так собирался отчитать своего помощника за потерю связи со штабом во время переправы и организации нового пункта управления. Начальник штаба сгоряча потребовал от Горбина вернуться на левый берег. Тот доложил Батову о случившемся и дерзнул спросить:

— В обратном направлении прикажете форсировать Днепр?

— Ладно, оставайся,—судя по голосу, Батова рассердило то, что его не вовремя «провоцировали» на доброту, но в душе он понимал Горбина.—Получай выговор условно и устраивайся быстрее поближе к войскам. А в дальнейшем не самовольничай.

Они прошли рядом сотни военных верст. И чем дальше, тем больше ценил командарм Горбина как способного, знающего оператора, ценил его организованность, верность долгу! Он видел, однако, и то, что Горбину уже тесноваты рамки штабной работы, и в

Белоруссии предложил ему должность заместителя командира 18-го стрелкового корпуса. С передовыми частями корпуса Горбин ступил на государственную границу на Буге. Здесь, на священном рубеже, по поручению командарма генерал Иванов вручил Горбину орден Красного Знамени.

Страна щедро венчала наградами героев Белорусской операции. Павел Иванович Батов был награжден орденом Кутузова первой степени и золотыми часами от Верховного Главнокомандования. Тогда же ему присвоили звание генерал-полковника.

...Фашистов погнали. Очистили от них свою землю. Научились наступать широко, неудержимо. Но кто сказал, что воевать стало легче? У гитлеровских войск убавилось силы, но прибавилось остервенелой ярости, с какой они цеплялись за рубежи, расстояние от которых до Германии все сокращалось. Умения воевать у фашистов еще хватало, и они не упускали случая подтвердить это, как только обстановка благоприятствовала им хоть в самой малой степени.

Учитывая все эти факторы, Батов держал армию в постоянном напряжении, не забывая и о том, что наступление от Паричей до Бреста основательно истощило наши войска. Он ни на минуту не расслабился сам, зная, что и на этом этапе возможны любые сюрпризы. Если бы не собранность Батова, неизвестно, чем бы кончилось дело под Клещелями. Это случилось после того, как армия захватила плацдарм на Западном Буге.

В середине июля развернули активные действия войска левого фланга 1-го Белорусского фронта. Ставка торопила выйти в район Ковеля с последующей задачей выбить противника из Люблина, закрепиться на Висле и не допустить отхода к Варшаве немецких войск, занимавших рубеж Седлец — Лу-

кув. Правое крыло фронта тоже продвигалось вперед, но не так быстро, как до этого. Действовавшие здесь армии — 65-я и 48-я — получили меньше подкреплений, чем левофланговые: по данным разведки, противник крупными резервами тут не располагал, и волноваться за правый фланг не было повода.

Гитлеровское командование сделало вывод из сложившейся обстановки.

В ночь на 23 июля из перехваченного радиоразговора стало известно, что противник готовится нанести по 65-й армии танковые удары с севера и юга по сходящимся направлениям, с тем чтобы соединиться в Клещелях, где размещался командный пункт Батова.

Командарм распорядился объявить тревогу, вывести командный пункт в Гайновку, а сам с оперативной группой остался в Клещелях. Он по телеграфу связался с командующим 1-м Белорусским фронтом Рокоссовским и доложил ему: «Перехвачен радиопереговор. Противник готовит встречные контрудары из района Бельска и Высоколитовска на Клещели. Войска готовлю для отражения танков противника. Сил недостаточно. Боевые порядки разрежены. Резервов не имею». Рокоссовский приказал: «Примите меры к удержанию занимаемых рубежей. Помощь будет оказана».

Сразу же после окончания разговора с командующим фронтом раздался гул артиллерийской канонады. Батов связался с корпусами.

— Алексеев, что там у вас?

— При поддержке тридцати пяти танков, двух бронепоездов и самоходок дивизия пехоты противника атакует с направления Большое Турно. Части 354-й дивизии отошли на три километра и заняли круговую оборону...

— А у вас, Иванов?

— По 15-й и 37-й дивизиям с направления Бельск наносят удар сто танков... Рассекают наши боевые порядки. Мой командный пункт отрезан от войск.

Так туго было, пожалуй, только в Крыму. Под Сталинградом, на Курской дуге, на Днестре, под Паричами ситуация была иной: свои условия противнику в основном диктовал он, Батов; его штаб планировал развитие событий, а он, за редким исключением, направлял их. Здесь же, в Клещелях, командарм искал, что можно противопоставить инициативе врага, как парализовать ее, свести на нет то преимущество, какое временно получил противник, чтобы затем заставить его подчиниться нашей инициативе. Решить эту задачу Батов должен был в условиях скоротечного боя, когда обстановка менялась каждый миг, когда в любое мгновение могла оборваться связь с корпусами, когда с минуты на минуту в Клещелях могли появиться немецкие танки...

Павел Иванович Батов в своих воспоминаниях лаконично и выразительно рассказал о том, какое же он в этих условиях принял решение: «В этой обстановке не оставалось ничего иного, как сжать основные силы армейской группировки к центру, оставить часть занятой территории, сократить линию фронта и занять круговую оборону. Очень мало времени, чтобы отдать этот приказ войскам. Решаем передавать открытым текстом по радио, маскируя намеченные рубежи обороны одними цифрами кодированной карты. Чтобы не терять драгоценные минуты, приказываю настроить рации всех корпусов на одну волну. Приказ принимают все комкоры одновременно. Иванов тут же докладывает, что потерял связь с 69-й. Этой дивизии необходимо было поставить задачу: оставить плацдарм на Западном Буге и выйти на

помощь управлению корпуса. Но как сообщить об этом? Рядом со мной стоял штабной офицер полковник Рондарев:

— Разрешите прорваться на мотоцикле.

Крепко пожал Рондареву руку:

— Спешу, но будь осторожен.

Он умчался на мотоцикле к Западному Бугу. Ему удалось проскочить по не занятым противником дорогам до командного пункта 69-й и передать приказ».

В полдень Батов снова телеграфировал Рокоссовскому о сложившейся обстановке. Не успел до конца передать сообщение, как раздался возглас Радецкого:

— Фашисты! — Николай Антонович увидел во ржи башню немецкого танка...

Батов приказал немедленно отходить к Гайновке.

Он уплотнил боевые порядки своих войск, потом приказал корпусу Иванова ударить на Клещели со стороны Гайновки, а корпусу Алексеева наступать на противника с юга. Помогли части, посланные командованием фронта, — 53-й стрелковый корпус и 17-я танковая бригада Донского корпуса. Вражеские войска под Клещелями были разгромлены.

Позже, в сентябре и октябре, бешеные контрудары пришлось отбивать на Наревском плацдарме. Фашистское командование расценивало его и плацдарм на Висле как смертельную угрозу рейху, называя их «пистолетами, направленными в сердце Германии».

— Один пистолет в твоих руках, — напомнил Батову командующий фронтом. — Смотри, чтобы не вышибли. Не теряйте времени, укрепляйте оборону!

И снова было жарко. Враг подтянул сюда резервы с других направлений и хотел танковыми челюстями прогрызть нашу оборону, рассеять боевые порядки, пробиться к Нареву и отобрать у Батова Наревский

плацдарм. И снова 65-я показала, что в самых сложных условиях умеет бить врага.

...Уходил в историю 1944 год.

В результате побед Советской Армии в Карелии, Белоруссии, западных областях Украины, Молдавии, Прибалтике и Заполярье наша земля очищена от врага. Восстановлена государственная граница СССР на всем ее протяжении. Близилась развязка. И все думы командарма 65-й в преддверии нового, 1945 года, о предстоящих схватках в логове врага. Скоро Берлин услышит нашу поступь... И подвиг наш станет мерой на будущее, даже на то будущее, когда исчезнут войны, но мерой свободолюбия, патриотизма и крепости духа все равно останется Великая Отечественная война...

Зимой ступили на землю Восточной Пруссии и еще сильнее почувствовали отчаянное сопротивление немцев. И еще настойчивее преодолевали его, выбивая оружие из рук цеплявшихся за стены милитаристской твердыни фашистских частей, крушили их на Висле, в крепостях Торунь, Грудзёндз, Быдгощ... Кляли капризную зиму — то морозы, то оттепели, преграждавшие путь многочисленные реки и речушки... И шли, упорно шли вперед. К Одеру.

65-я армия прославилась умением преодолевать любые водные преграды, лишать противника всяких надежд прочно держаться за естественные рубежи. Батов видел в этом одно из очень важных условий общих успехов своих войск. Позже, анализируя действия армии после битвы под Курском, ее многомесячный поход на запад, он писал: «...именно тогда 65-я окончательно сформировалась как армия форсирования крупных водных преград, армия стремительного маневра. Война показала, что в оперативно-стратегических планах противника с 1943 года

водным преградам придавалось большое значение. Крупные реки позволяли немецкому командованию сокращать фронт и меньшими силами создавать устойчивую оборону. Особенностью многих европейских рек является высокий западный берег. Это давало немцам большие преимущества в организации обороны и усложняло наступательные действия наших войск.

Путь 65-й армии проходил через такие реки, как Сев, Десна, Сож, Днепр, Западный Буг, Нарев, Висла, Одер, не считая множества мелких, причинявших неприятности своими огромными заболоченными поймами. И почти все реки войска форсировали с ходу.

Надо отметить, что немецкое командование, если не удавалось с ходу захватить переправы через крупные водные рубежи, предпочитало изменять направление главного удара и развивать местный успех на сравнительно легко доставшихся плацдармах...

Советские войска держались иной тактики. Они накопили богатый опыт форсирования крупных водных преград на широком фронте с прорывом обороны противника на противоположном берегу. Впервые в истории войн такие крупные реки, как Десна и Днепр, были форсированы с ходу. Это потребовало от войск огромных усилий, четкого взаимодействия.

Форсирование с ходу возможно при стремительном темпе наступления, когда войска выходят к реке на плечах отступающего противника, лишают его возможности привести в действие всю систему обороны на противоположном берегу и внезапно захватывают плацдарм. Нарастив темпы наступления позволял смелый маневр».

Последний водный рубеж перед победой достался 65-й как будто специально, чтобы ее точка в Вели-

кой Отечественной была поставлена именно на водном рубеже. «Два Днепра, посередке Припять» — так сразу метко прозвали Одер бывалые солдаты Батова. И в самом деле, сложнее препятствие для сухопутной армии, пожалуй, трудно сыскать. Ост-Одер и Вест-Одер — широкие, где сто, а где и более двухсот метров рукава реки, а между ними — трехкилометровая пойма; в пойме все — и бесчисленные каналы, и протоки, и дамбы, и остатки взорванного моста — как будто специально создано для обороны. В систему обороны включены высоты, проходящие по западному берегу Вест-Одера. Словом, крепкий орешек!

10 апреля 1945 года командующий 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Рокоссовский (он был переведен на эту должность с должности командующего 1-м Белорусским фронтом в ноябре 1944 года; и 65-ю армию включили в состав 2-го Белорусского фронта) во время рекогносцировки на НП 65-й армии ознакомил командармов с замыслом фронтовой операции. Массированным ударом четырех армий фронта в северо-западном направлении надлежало отсечь основные силы 3-й танковой армии гитлеровцев от войск, защищавших Берлин, оттеснить их к берегам Балтики и ликвидировать. На главном направлении, на левом фланге фронта, предстояло наступать 70-й и 49-й армиям; 65-я армия должна была обеспечить с севера ударную группировку фронта. Рокоссовский тут же пояснил Батову: 65-я перед этой операцией оказалась хуже укомплектованной, а фронт наступления у нее шире. И добавил:

— Думаю, 65-я не отстанет от левофланговых армий, сумеет взять необходимый темп наступления.

На что командарм ответил:

— Что ж, постараемся и на второстепенном направлении в люди выйти!

У Павла Ивановича Батова были все основания сказать так. Ведь он опирался на свою опытную, закаленную в боях и походах армию. Правда, война безжалостно прореживала его войска. Иных людей уносила совсем, иных посылала в другие формирования, эвакуировала в госпитали, отпускала по ранению домой... На смену им приходили новички — солдаты, офицеры, генералы. Но, как правило, они очень быстро впитывали традиции 65-й армии, сжатый смысл которых точно укладывался в суворовские заповеди: «Быстрота в походах, стремительность... Неприятеля атаковать и бить в поле... Не мешкать!»

Командарм чувствовал себя уверенно перед Одером. Рядом были его старые соратники — Радецкий, Горбин, Липис, Швыдкой, Алексеев, Борисов, Никитин, Панов — и те, кто пришел в 65-ю сравнительно недавно, но воевал тоже умно и храбро, — командиры корпусов Эрастов и Чуваков, командиры дивизий Теремов, Гребенник, Варюхин, Скоробогаткин, командиры полков Абилов, Ищенко...

...Апрель по утрам старательно укрывал Одер туманом. Часто Балтийское море гнало в междуречье шальную воду, и тогда очертания берегов терялись, и казалось, никаким лодкам Одера не переплыть и никаким мостам не перекрыть.

Между тем штаб 65-й армии лихорадочно искал решение: как лучше организовать форсирование в таких своеобразных и сложных природных условиях. На подготовку операции давалось очень мало времени — всего семь дней. Операция должна была начаться 18 апреля. Использовались разнообразные способы разведки, чтобы получить необходимые

сведения о противнике,— выявлялись места расположения батарей, танков, сеть наблюдательных пунктов.

В междуречье Ост-Одера и Вест-Одера было решено провести частную операцию с целью уничтожения боевых охранений и частей прикрытия противника, взятия пленных, разведки боем переднего края обороны врага, захвата поймы и ее удержания до подхода основных сил. Так в штабе родилась идея последовательного форсирования Ост-Одера, поймы и Вест-Одера.

Частная операция удалась. Передовым полкам стрелковых дивизий удалось переправиться через Ост-Одер, занять междуречье и дамбу восточного берега Вест-Одера. В результате обстановка на участке 65-й армии резко улучшилась.

Накануне решающего удара командарм решил внести коррективы в план операции: артподготовку начать на два с половиной часа раньше, длительность ее сократить с 90 до 45 минут; с первым залпом реактивных установок начинается форсирование. Это было продиктовано тщательным анализом обстановки. Войска первого эшелона сблизились с противником примерно до полукилометра, переправочные средства готовы. Предрассветный мрак и утренний туман затруднят противнику прицельную стрельбу и наверняка уменьшат наши потери. Сокращение артподготовки позволит увеличить мощность огня, если использовать все выделенные для этого этапа операции боеприпасы; а на преодоление Вест-Одера войскам первого эшелона достаточно 45 минут.

Рокоссовский, узнав о предложении Батова, заинтересовался, не обида ли подсказала Павлу Ивановичу такую поправку.

Командарм детально изложил свои аргументы. Ему удалось убедить командующего фронтом в разумности корректив. Но прежде чем принимать окончательное решение, Рокоссовский счел нужным узнать мнение командующих 70-й и 49-й армиями, которые участвуют в операции. Некоторое время спустя комфронта позвонил снова:

— Не передумал?

— Нет, товарищ командующий, не передумал. Еще раз взвесил. Твердо уверен в успехе.

— Попов и Гришин считают, что начинать форсирование лучше в десять тридцать.

— Для них — возможно, но в нашей армии обстановка коренным образом изменилась. Мы очистили всю пойму, до противника остался один бросок. Зачем нам ждать рассвета и ставить под удар лучших людей армии? Мы честно и искренне намерены помочь соседям. Начнем раньше, привлечем внимание противника, примем огонь на себя и тем будем содействовать успеху главной группировки фронта.

Командующий в конце концов согласился.

...Все шло как задумали. В 6.30 громким, уверенным голосом заговорила артиллерия. И сразу от восточного берега отчалили лодки. Густой туман мешал фашистам стрелять по десантникам. 36 минут прошло после первых взмахов весел, и комбат 238-го полка доложил по радиации: «Ворвался в первую траншею, захватил пленных...»

В 11.15 Рокоссовский запросил обстановку. Командарм доложил:

— Два корпуса пятью дивизиями первого эшелона форсировали Вест-Одер и ведут бой за расширение плацдарма. Только что в центре овладели высотой 65,4...

Командующий фронтом использовал успех 65-й и на ее направлении сосредоточил максимальную огневую и техническую мощь.

«Батову удалось,— писал, оценивая операцию на Одере, Рокоссовский,— быстро высадить на западный берег Вест-Одера большую партию пехоты с пулеметами, минометами и 45-миллиметровыми пушками. Этот десант усилил уже находившиеся здесь с ночи мелкие отряды. Сюда направлялись все новые эшелоны. Теперь в ход пошли и паромы...

Уже к тринадцати часам на участке 65-й армии действовали две 16-тонные паромные переправы. К вечеру на западный берег Вест-Одера был перебросен 31 батальон с пятьюдесятью 45-миллиметровыми пушками, семьюдесятью 82- и 120-миллиметровыми минометами и пятнадцатью легкими самоходными (СУ-76) установками. За день боя войска Батова заняли плацдарм свыше 6 километров шириной и до 1,5 километра глубиной. Здесь уже сражались четыре дивизии стрелковых корпусов К. М. Эрастова и Н. Е. Чувакова...

21 апреля продолжались ожесточенные бои на всем нашем фронте. На участке Батова противник ввел в бой свежую 281-ю пехотную дивизию, которая, по показаниям пленных, направилась на берлинское направление, но была возвращена и брошена в бой в районе Курова, захваченного 65-й армией...

Туда, где обозначился наибольший успех, то есть к Батову, перебрасываем два мотопонтонных батальона с их парками, ранее придававшихся 49-й армии. К вечеру на участке Батова на реке Ост-Одер действовали 30-тонный и 50-тонный мосты и 50-тонный паром. На Вест-Одере работали шесть паромных переправ...»

65-я армия «вышла в люди» и на Одере.

Немцы свирепо контратаковали, но сдержать наступавших у них не хватало сил. 25 апреля левофланговые армии 2-го Белорусского фронта завершили на 20-километровом участке прорыв обороны гитлеровцев. На западном берегу Одера они разбили и части, которые здесь оборонялись поначалу, и резервы, спешно переброшенные сюда германским командованием. 26 апреля 65-я армия штурмом взяла Штеттин (Щецин). Перед ней открывалось Балтийское море. 2 мая на его побережье она дала врагу последний бой.

Путь 65-й армии во главе с бессменным командармом Павлом Ивановичем Батовым от Волги до Балтики — 3525 километров в боях с врагом. 70 водных рубежей одолела она на этом пути. 27 раз Москва поздравляла ее своими победными салютами. Более 300 Героев Советского Союза украсили ее биографию. Армия ни разу не отводилась во второй эшелон и почти всегда действовала на главных направлениях, наносила решающие удары. Биографии ее дивизий — 37-й гвардейской Речицкой, 193-й Днепровской, 69-й Севской, 15-й Сивашской, Штеттинской, 44-й гвардейской Барановичской, 108-й Бобруйской, 354-й Калининградской и по сей день известны в Вооруженных Силах страны; на славной истории 65-й армии воспитывают молодых бойцов, нынешних защитников социалистического Отечества.

Наш генерал

«Здравствуйте, дорогой Павел Иванович!

Большое Вам спасибо за внимание и заботу. Перечитываю Ваши письма, Павел Иванович, думаю о Вашем щедром сердце и заботе обо мне, рядовом

солдате, и говорю себе: «Как хорошо, что я живу в Советской стране, среди таких людей, как Вы!

Сердечное Вам спасибо!

Ваш солдат Н. Голубятников».

Как просто, как трогательно и сильно звучит «Ваш солдат!». Да, у Павла Ивановича Батова много солдат было в войну, много осталось и сейчас. Николай Голубятников солдат необычной судьбы. В 1943 году на Курской дуге с напарником Андреем Бестужевым его послали в «секрет» на нейтральную полосу. Рассветало, когда они увидели приближавшихся к их окопу фашистов. Открыли стрельбу и тут же попали под огонь вражеской артиллерии. Бестужева контузило, и он потерял сознание. Голубятникова ранило. Чтоб не попасть в плен, он притворился убитым. Немцы изувечили его. Но он не выдал себя, выдержал муки. Наши бойцы спасли его.

В госпиталь к нему приехали Батов и Радецкий. Вручили ему орден Красного Знамени. С тех пор командарм и солдат не забывают друг друга. Павел Иванович позаботился о том, чтобы Николаю Дмитриевичу назначили персональную пенсию, чтобы бывший воин ни в чем не испытывал нужды. Они переписываются. И каждое свое письмо Голубятников подписывает одинаково: «Ваш солдат».

...Письма генералу Батову идут из всех уголков страны. В них рассказы о жизни, благодарность за помощь, просьбы дать совет, приглашения приехать погостить. В юбилейные дни пишем столько, что не умещаются на рабочем столе. К восьмидесятилетию Павла Ивановича бывшие однополчане присылали даже стихи. Пусть не очень гладкие, но душевные.

Валентина Дмитриевна Громова — в войну старший сержант медицинской службы — написала:

В тех местах, где командовал Батов,
Артиллерия была набатом.
Перед силой огня устоять
Не сумела фашистская рать...
...В тех местах, где командовал Батов,
Смело в бой шли лихие ребята...
Шли и ночью, и шли спозаранку
Наши мощные, грозные танки...

А вот четверостишие старшего сержанта запаса
Арсения Михайловича Кенсичкого:

Наш генерал! Ваш славный юбилей
Для нас, солдат, торжественная дата.
Вы наш отец, отец седых детей,
Родной отец для каждого солдата.

...Связь с соратниками не прерывается. Генерал Батов опытом своей большой жизни узнал, понял, что только вместе с преданными делу, отважными умом и сердцем, хорошо видящими цель можно идти вперед. Он всегда старался быть в их строю. И потому судьба охотно сводила его с теми, у кого он учился побеждать. Савков, Тухачевский, Матэ Залка, Рокоссовский, Жуков, Радецкий... Каждый из них помог Батову стать тем, кем он стал.

И он помогает людям. Помогает заботой, любовью, которая щедра солдатской добротой.

...В 1945 году совершил подвиг солдат 65-й армии Всеволод Блюхер, служивший в 235-м армейском зенитном полку. Командарм не знал тогда, что это сын легендарного В. К. Блюхера. Обстоятельства помешали солдату получить в свое время награду — орден Красного Знамени. Однако командарм не терял уверенности, что Всеволод Блюхер рано или поздно получит ее. Не прекращал ходатайства, вел переписку со всякими инстанциями, вплоть до самых высоких. В 1964 году Блюхеру вручили заслуженный им боевой орден.

...Говоря в своих мемуарах о полковнике И. А. Кузовкове, Павел Иванович Батов сослался на высказывание известного русского генерала М. И. Драгомирова. Тот писал: «Велика и почетна роль офицера, и тягость ее не всякому под силу. Служить так, чтобы к концу службы офицер мог сказать: «Много людей прошло через мои руки, и мало было среди них таких, которые от того не стали лучше, развитее, пригоднее для всякого дела...» «Думаю,— продолжал Батов,— что все сослуживцы И. А. Кузовкова отнесут к нему эти слова».

Эти слова, без сомнения, можно отнести к Ласкину и Глебову, к Радецкому и Горбину, к Меркулову и Швыдкому, Панову и Швецу, а также к самому Батову.

Раз в несколько лет ветераны 65-й армии непременно собираются в Москве. Поседевшие, отмеченные теперь не только шрамами войны, но и времени — морщинами, встречаясь, они словно сбрасывают с себя груз лет, берут и тут пример со своего командарма. А он в их кругу молодеет, потому что снова видит их в походах и боях, когда они вместе боролись с фашизмом, за свободу и независимость своей Родины, за торжество мира и социализма.

Сколько юных граждан страны приходят в Центральный музей Вооруженных Сил СССР в Москве! Каждый стенд здесь — повод для размышления о жизни, о борьбе, о гражданском долге. В том числе стенд в Сталинградском зале, где лежат стереотруба, телефонный аппарат и маузер командарма 65-й армии генерала Батова. От этого стенда больше ста дорог в школьные музеи в разных городах страны. Хранители музеев — красные следопыты собирают материалы по истории 65-й армии, переписываются с ветеранами армии, с командармом. Для него пере-

писка с ними — боевая работа. Он относится к ней так же ответственно, как и ко всему, что он делает.

«Укрепляйте связи с теми ветеранами, которых вы знаете,— написал он своим юным друзьям в Лоев, где увековечен подвиг 65-й армии на Днестре.— Разыскивайте новых, пока еще неизвестных скромных героев-патриотов, защищавших ценой большой крови нашу Родину, ищите их в своем родном городе, селе — они живут и работают рядом с вами, и ваша задача — рассказать землякам об их героизме».

С 1970 года Павел Иванович Батов возглавляет Советский комитет ветеранов войны. И сюда он принес свою гражданственность, неутомимость и энергию, умение быть в центре всех важных событий. Он участвовал во многих конгрессах, конференциях, встречах международных организаций ветеранов войны, борцов Сопротивления, выступал в Риме, Хельсинки, Париже, Варшаве, Берлине, призывая ветеранов еще более страстно и неутомимо бороться против милитаризма и реваншизма, против гонки вооружений, против опасности новой войны. Только в период подготовки к празднованию 30-летия Победы над фашистской Германией 260 делегаций советских ветеранов войны встречались за рубежом с тысячами и тысячами людей.

Ни на день не прерывается деятельность Советского комитета ветеранов войны и его председателя, тесно связанная с борьбой за мир советского народа.

Гражданский долг... Батов выполнял его, как воин, выполнял его, будучи депутатом пяти созывов Верховного Совета СССР, выполняет его теперь, как председатель Советского комитета ветеранов войны.

Командарм остается в строю. Человек с большой буквы. Верный своему долгу Солдат.

Содержание

Вечный рубеж Сталинграда	3
Выбор	34
«Войска сделали все возможное...»	48
Время наступать	65
Лишь победители знают цену победы	84
Наш генерал	107

Александр Данилович Щербаков

В ПЕРВОМ ЭШЕЛОНЕ
(О П. И. Ватове)

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Ю. И. Харченко*
Младший редактор *А. С. Кочеткова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 1840

Сдано в набор 21.12.79. Подписано в печать 11.03.80. А00033. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая. Условн. печ. л. 5,25. Учетно-изд. л. 4,86. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4605. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

П. И. Батов.
Июнь 1941 г.

На командном пункте 65-й армии. Слева направо:
И. Ф. Баринов, П. И. Батов, Ф. П. Лучко, И. С. Глебов.

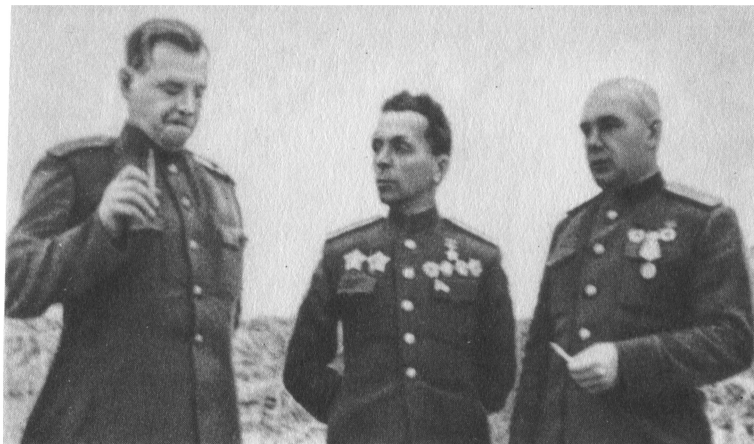
К. К. Рокоссовский и П. И. Батов под Сталинградом.
1943 г.

Заместитель
начальника штаба
65-й армии Н. М. Горбин.
Октябрь 1943 г.

На командном пункте 65-й армии.
1-й Белорусский фронт. Слева направо:
начальник штаба армии М. В. Бобков,
командующий армией П. И. Батов,
член Военного совета армии Н. А. Радецкий.

П. И. Батов у артиллеристов
перед боями за Белоруссию.

Походная парикмахерская.

П. И. Батов прикрепляет орден Ленина
к знамени 69-й дивизии.

В перерыве между боями.

**Командир
18-го стрелкового
корпуса И. И. Иванов.**

**Командир
95-го стрелкового
корпуса И. А. Кузовков.**

**Начальник
инженерных войск
65-й армии
П. В. Швыдкой.**

**П. И. Батов вручает орден Красного Знамени
отважному солдату Н. Д. Голубятникову.
Июнь 1943 г.**